

Элли Ван Хаутен

КОД СОВЕРШЕНСТВА

КРАСОТА НЕИЗБЕЖНА

Элли Хаутен

Код Совершенства: Красота Неизбежна

<https://litres.ru/74570119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетняя Хизер Ривера привыкла верить собственным глазам. Добрые поступки делают человека прекраснее, дурные чувства портят лицо, а Администрация решает, кто достоин благополучной жизни. У Хизер уже есть предупреждение. Ещё одна ошибка может стоить ей будущего.

Когда её вынуждают стать тайным резидентом, знакомые правила обретают другую сторону: ночные задания, показательные казни, золотая капсула, из которой девушка не выходит живой. И Кори — юноша, чьё лицо меняется так, что Хизер должна бы отвернуться. Только рядом с ним она впервые перестаёт понимать, почему красота обязана быть доказательством добра.

Высшая лига обещает победительнице совершенную внешность и жизнь среди избранных. Хизер хочет получить этот шанс. Но Игры начинаются с нападения, город превращается в ловушку, а за обещанием преобразования обнаруживается тайна, ради которой людей готовы убивать.

Остросюжетная антиутопия о первой любви, власти чужого взгляда и красоте, за которую расплачиваются живые люди.

Элли Ван Хаутен

Код Совершенства: Красота Неизбежна

Код Совершенства:

Красота Неизбежна
Элли Ван Хаутен

Глава первая

Смешанные чувства

Рождение - одно из самых скучных событий на земле. Когда я появилась на свет, никто не оценил мой наивный детский взгляд. Меня просто положили на руки матери, и так началась моя жизнь. Мама рассказывала, о чем она думала в то время. Что так быть не должно: мои глаза смотрели то на нее, то на женщин в медицинских халатах, я словно потерялась в мире однообразных лиц и не могла понять, кто же именно моя мама.

Сейчас меня сложно удивить, ибо я привыкла жить среди людей, выпущенных будто с одного конвейера. Мы практически не отличаемся друг от друга овалом лица, формой губ и глаз, скул. Разве что возрастом.

В детстве я пыталась запоминать людей по мелочам. Продащицу в магазине — по треснутому ногтю, учительницу — по цепочке на шее, соседку — по тому, как она придерживала дверь бедром, когда несла пакеты. Но ногти отрастали, цепочки менялись, пакеты исчезали, а лица оставались. Иногда мне казалось, что взрослые нарочно усложняют задачу: утром выходят из одного дома, вечером возвращаются в другой, и только делают вид, будто так было всегда.

Мама смеялась, когда я рассказывала ей об этом.

— А меня ты с кем-нибудь путаешь?

— Нет.

— Вот и хорошо.

Она считала ответ достаточным. Я же думала: мне повезло, что я столько времени провожу с ней. Наверное, если бы мы виделись реже, мне тоже пришлось бы придумывать приметы.

Эмма имела привычку поправлять мои волосы, даже когда поправлять было нечего. Теплыми пальцами убирала прядь со лба, словно хотела убедиться, что под ней по-прежнему я. Этот жест я узнала бы с закрытыми глазами. О нем нельзя было рассказать аттестатору: в отчетах не существовало графы «мама касается лба, и становится легче жить».

Они записывали длину волос, расстояние между глазами, угол скул. Все необходимое для того, чтобы определить, хорошая ли я дочь. Ничего необходимого для того, чтобы узнать мою маму.

Впрочем, это я слишком много требовала. Сканер должен был заниматься своим делом, а не вспоминать, кто укрывал меня одеялом.

В школе нам объясняли, что первоначальная похожесть — это справедливость. Никому не дают преимуществ при рождении. Все начинают с одной ступеньки, а потом каждый поднимается настолько высоко, насколько заслуживает. Красивый человек не мог свалить ответственность за свою красоту на родителей. Он трудился, становился лучше и получал награду, которую невозможно забыть дома.

Мне нравилось думать о внешности как о награде. Особенно в те дни, когда собственное отражение казалось немного интереснее вчерашнего. Но все равно хотелось знать, кто решил, какими должны быть наши первые лица. Не то чтобы я собиралась спрашивать. Просто иногда подобные мысли приходили, как мошки: отмахнешься, а одна уже сидит на носу.

Самую важную роль в нашем мире играют поступки. Живи правильно, мирно, соблюдая духовные ценности, и ты изменишься сам собой — лицо освежится, или губы обретут новое очарование, форма тела и так далее. Станешь чуточку красивее.

Граждан, которые живут неправильно, карают: кого-то сажают в тюрьму, и мы поддерживаем их жизни, уплачивая налог на уродство, а кого-то казнят на площади. Наблюдать за свершением правосудия разрешено только по телевизору —

психологи Администрации считают, что у некоторых индивидов среди публики могут возникнуть чуждые закону чувства. К примеру, удовольствие при виде казни, или желание поучаствовать в расправе. А это вредно влияет на психику.

Но люди должны знать, что правосудие не бездействует, поэтому во время казни все телеканалы прерывают обычные передачи и транслируют Судный час.

На самом деле не все так плохо, как может показаться. Администрация желает нам счастья, поэтому следит за нашей жизнью. Чтобы выяснить, совершаем ли мы что-то противозаконное или противоречащее духовным ценностям. Правительство стремится сделать каждого человека красивым.

У каждого дома было свое маленькое место для Мама. У нас — экран на кухне, под которым Эмма держала календарь с графиком платежей. Если в новостях правительница говорила о достатке, мама иногда наклонялась и что-то исправляла карандашом. Наверное, проверяла, совпадает ли обещанный достаток с тем, что осталось до зарплаты.

Мне хотелось, чтобы совпадал.

Один раз я спросила, почему бы Администрации не отменить налог на уродство. Мама объяснила, что тюрьмы тоже нужно содержать, а заключенные не перестают быть людьми, даже если перестали поступать по-человечески. Тогда я решила, что налог — неплохое дело. Только странно было каждый месяц платить за чью-то жизнь и ни разу не увидеть, как этот человек живет.

В доме все платежи знала Эмма. Отец знал, какие передачи идут вечером, сколько осталось сигарет и где лежит запасная бутылка. В последнее время мне казалось, что знания можно разделить на полезные и те, за которые расплачивается кто-то другой.

Я не произносила этого вслух. Наши разговоры с Валерием и без того обычно заканчивались раньше, чем успевали начаться.

Накануне он пришел в мою комнату после полуночи. Я уже выключила свет, но не спала. В коридоре долго скрипела половица, та самая, которую мама просила его починить с прошлого лета.

— Спишь?

Мне не хотелось отвечать, однако молчание тоже могло его разозлить.

— Пытаюсь.

Он постоял в дверях. В темноте я видела только плечи и светлый прямоугольник коридора за спиной.

— Завтра не болтай лишнего.

— Я знаю.

— Ты ничего не знаешь.

Удивительно, как легко человек может перечеркнуть твои шестнадцать лет тремя словами.

Я ждала, что он продолжит, но отец только задел ногой край стула. Стул стукнулся о стену, и я вздрогнула.

— Осторожней, — сказала я.

— Что?

— Со стулом.

Он наклонился, и на секунду мне показалось, что сейчас схватит меня за плечо. Я отодвинулась к стене. Но он выпрямился и ушел, оставив дверь открытой.

Через несколько минут по лестнице поднялась мама. Она закрыла дверь, даже не заглянув внутрь. Я услышала ее тихое «иди спать» и что-то невнятное в ответ.

После этого лежать с пустыми руками было невозможно. Мне требовалась хоть какая-нибудь вещь, за которую можно ухватиться, если ночь снова решит войти без приглашения.

Сегодня я спала с ножом в руке. К сожалению, он был деревянным, с настолько хрупким острием, что вряд ли его можно считать оружием. Нож подарила мне Хлоя, подруга. Она сделала его сама как сувенир. Но этой ночью ничего, кроме этой безделушки, я не нашла.

Проснувшись я от криков на кухне и поняла, что наступило утро. Нож не пригодился, да и, честно говоря, я понятия не имела, что бы с ним делала. Хотя, лежа ночью в кровати, поворачивала его то так, то эдак, обдумывая, как лучше им действовать.

Проснувшись, я сначала проверила пальцы. Дерево оставило на ладони красную полосу. Я разжала руку и положила нож на тумбочку, повернув лезвием к стене, чтобы мама не увидела его, если зайдет.

Сувенир был довольно смешной: рукоятка толще самого

лезвия, на боку крошечный цветок, вырезанный Хлоей. В прошлом году она решила, что у нее талант к работе с деревом, и целую неделю ходила с забинтованными пальцами. Потом увлеклась чем-то другим. А нож остался у меня, словно свидетельство того, что дружба иногда переживает даже творческие намерения.

Я села и прислушалась.

По звукам можно было определить, насколько плохое утро ждет нас внизу. Звон ложки о кружку означал, что мама еще старается вести себя обычно. Скрип стула — что отец собирается встать. Если он вставал, мама отходила к раковине и включала воду. Я никогда не спрашивала, зачем. Видимо, с шумом воды слова становятся чуть менее настоящими.

Сегодня кран был закрыт. Это вселяло надежду.

На стуле у окна лежала одежда, которую я приготовила с вечера: простая, чистая, без лишних деталей. На аттестацию всегда хотелось одеться так, чтобы не возникало дополнительных вопросов. Слишком яркая юбка могла показаться признаком тщеславия. Слишком мятая — равнодушия к окружающим. Я не знала, действительно ли Милиса учитывает такие мелочи, и именно поэтому предпочитала их учитывать сама.

В верхнем ящике комода лежала тетрадь с вопросами. Я открыла ее, хотя могла повторить некоторые страницы наизусть.

«Что ты чувствуешь, когда знакомого человека наказыва-

ют?»

«Способна ли ты радоваться чужим достижениям?»

«Кому принадлежит ответственность за твои поступки?»

На последней строчке я задержалась. Если ответственность моя, почему за нее так переживает мама? Почему отец приходит ночью и требует молчать? Получалось, мои поступки принадлежат всем, кроме меня, пока кто-нибудь не назовет их плохими. Тогда они тут же становятся исключительно моими.

Я захлопнула тетрадь. Сегодня не время путать себя собственными выводами.

На внутренней стороне обложки была написана дата первого предупреждения. Когда-то я вывела ее жирно, чтобы помнить. Теперь чернила поблекли. Три года — достаточно большой срок даже для чернил. Сколько можно держать одну девочку за горло из-за того, что она неправильно посмотрела на смерть?

Крики моего отца Валерия заставили меня подумать о том, что всему этому безумию, которое творилось в нашей семье, должен когда-нибудь прийти конец. У отца уже было два предупреждения. Доиграется и до третьего. Ноющая тяжесть в груди убавилась за ночь, и, окончательно проснувшись, я прислушалась к тому, что делалось на кухне. Помимо телевизора, оравшего утренние новости — Валерий снова, назло всем, включил предельную громкость, — оттуда неслись его пьяные выкрики о том, какая моя мать ужасная со-

держательница семьи. А сам ведь уже забыл, что такое работа. Даже меня в мои шестнадцать лет грызла совесть за то, что я не могу помочь матери деньгами. Не всей семье, а именно матери.

В воздухе висел запах сигарет и шарлотки – странная пригорная смесь. Этот день был для меня особенным – сегодня у меня аттестация, которую периодически проходили все жители Квадрата. Мне хотелось наскоро одеться и уйти в аттестационный центр, но нужно было помыть голову. И еще я была просто обязана съесть кусочек пирога, чтобы не обижать мою маму Эмму, которая считала шарлотку самым хорошим успокаивающим средством перед аттестацией.

Аттестационный центр был местом, где следили за изменениями внешности. Там находились данные на всех жителей города, периодически их сверяли с прошлыми показаниями, заносили новые, и так повторялось снова и снова. За исключением тех случаев, когда внешность ухудшалась. Мне пока что везло, подобного не происходило. Страшно представить реакцию родителей, если правительство сообщит такую весть. Представитель Администрации, разодетый в черно-красное, промарширует из центра города, привлекая всеобщее внимание, и на пороге твоего дома на глазах у всех вручит черный конверт.

Однако провиниться один раз еще не так страшно. Все самое горячее начинается после третьего предупреждения. Ученые ужесточили правила три года назад, когда я в первый

раз проходила аттестацию. Как только они научились отслеживать негативные всплески в мозге, был издан указ о запрете на проявление негативных эмоций.

«Пора вставать и принять душ!» – сказала я себе.

Я жила в городе, который называли «вторым». В Квадрате было четыре города, и каждый отличался от другого социальным статусом жителей. В «первом», или «верхнем», жили те, кто побогаче. В двух других – те, кто находился где-то посередине между бедными и богатыми, как и наша семья. И, следовательно, четвертый – «нижний» – был городом нищеты.

О нем я тоже знала понаслышке. Говорили, если провинишься перед Администрацией три раза, то отправляешься прямиком к беднякам. А уж они-то новичков не любят, поскольку самих себя прокормить не в состоянии. После новых провинностей путь либо в тюрьму, либо на казнь. За особо тяжкие грехи карали мгновенно.

Из окна моей комнаты было видно только наш переулок и кусочек улицы за ним. Если встать на носки, появлялся верхний край автобусной остановки. По утрам там собирались люди с одинаково усталыми лицами. Они держали в руках сумки, пакеты с едой, стаканы с напитками и старались не смотреть друг на друга слишком долго.

Я тоже старалась. Вдруг кто-нибудь решит, что я подсчитываю недостатки?

Однажды мама потеряла там перчатку. Через два дня на-

шла ее на скамейке, аккуратно расправленную. Никто не забрал дешевую старую вещь, а кто-то положил ее так, чтобы хозяин заметил. Мама обрадовалась. Я же невольно начала высматривать у остановки человека, который мог оставить перчатку.

Мне казалось, у него обязательно должны быть красивые руки.

Это было глупо. Но я еще не знала другого способа представить хорошего незнакомца.

Наш переулок заканчивался рядом с домом, перед которым хозяева выставляли летом горшки с цветами. Зимой горшки оставались пустыми, и никто не убирал их в сарай. Они стояли как обещание, на которое все имели право смотреть бесплатно. Мне нравились эти горшки. В Квадрате столько вещей приходилось заслуживать, что пустой горшок, просто ожидающий весны, выглядел почти роскошью.

Сегодня около соседнего дома остановилась машина. Ее я заметила еще из комнаты, но не придала значения. Какая-то семья наконец получила разрешение на переезд. Либо кто-то привез мебель. Коробки сами по себе не обещали интересной жизни.

Если бы я знала, как изменится мой день, я бы задержалась у окна. Но мы редко смотрим внимательно на события, пока они не начинают касаться нас.

Мама всегда говорила, что перед аттестацией нужно оставить себе достаточно времени. Прийти заранее, спокойно по-

сидеть, привести мысли в порядок. Я предпочитала приехать как можно раньше и поскорее оказаться внутри. Ожидание не приводило мои мысли в порядок. Оно строило их в очередь, и каждая хотела рассказать, почему я сегодня обязательно провалюсь.

Больше всего пугала не сама машина, а разговор после нее. Машина по крайней мере не могла обидеться. С людьми все сложнее: один и тот же ответ вчера считался честным, а сегодня мог оказаться дерзким. И никто заранее не предупреждал, где проходит граница.

Несколько раз, находясь на улице, я слышала гимн Судного часа. Грозная мелодия терзает весь город в течение пятнадцати минут, за которые все должны вернуться домой или пойти туда, где есть экран. Чтобы каждый мог наблюдать прямую трансляцию Судного часа. Помню, в первый раз я забежала в ближайший супермаркет, двери закрыли, опустили жалюзи, и включили телевизоры.

Казнь, увиденная на экране в супермаркете, зародила во мне ненависть к людям. Раньше мне приходилось видеть казнь только дома, а не среди толпы. Толпы, которая равнодушно взирала на чужую смерть. Я призналась в этой ненависти на первой аттестации, хотя мама просила меня не делать этого. Но врать нельзя, сказала я ей, на что Эмма возразила: ложь - не грех, если она не приносит зла.

Она меня не убедила, и вот так, в тринадцать лет, я получила первое предупреждение.

В тот день, в супермаркете, у меня в руках была сетчатая сумка с апельсинами. Я держала ее обеими руками, и ручки врезались в пальцы. Мама попросила купить фруктов для меня, хотя я знала: ей тоже хочется.

На экране человек двигал губами. Звука его голоса не было. Покупатели вокруг смотрели спокойно, а женщина рядом со мной поправляла ребенку капюшон, словно мы ждали автобус.

Я попыталась рассмотреть лицо осужденного. Хотела понять, есть ли на нем то, за что его наказывают. Но камера показывала его слишком издалека.

Потом продавец прибавил громкость, и гимн стал громче. Мне захотелось уронить сумку, чтобы хотя бы кто-нибудь отвел глаза от экрана. Апельсины могли покатиться между ног, люди начали бы поднимать их, ругаться, спрашивать, что со мной. Произошло бы что-то живое.

Я не уронила сумку.

После трансляции жалюзи подняли, и дневной свет показался неприличным. Будто кто-то распахнул шторы в комнате, где еще не убрали тело. Люди вернулись к полкам. Женщина с ребенком спросила, где находится отдел молочных продуктов.

Дома мама потрогала мои пальцы и увидела полосы от ручек.

— Почему не попросила помочь?

— Кто бы помог?

Она ничего не ответила. Только забрала сумку и поставила передо мной воду.

Когда аттестатор спросил, испытываю ли я неприязнь к другим людям, я вспомнила этот стакан. И все равно ответила не о нем. Я рассказала о магазине, о женщине, о продавце. Сказала, что ненавижу их спокойствие.

Предупреждение принесли к вечеру. Черный конверт был гладким, красивым, и мне стало стыдно за то, что я трогала его мокрыми пальцами. Мама положила бумагу в ящик, где хранила документы. Отец долго рассказывал, что хорошие дети не подводят семьи.

Несколько дней я боялась даже смотреть на одноклассников. Вдруг моя неприязнь успела изменить лицо и теперь они все видят ее? Потом они сами перестали смотреть на меня, и задача упростилась.

Три года я пыталась вспомнить, в какой именно момент должна была поступить иначе. В магазине? Дома? В кресле перед аттестатором?

Наверное, разумнее было сказать о воде. О том, как мама подала мне стакан. Это тоже произошло в тот день. И это тоже было правдой.

Если выбирать правильную часть правды, можно оказаться хорошим человеком. По крайней мере, в чужом отчете.

Но среди множества указов Администрации был и такой, в котором говорилось: "Предупреждение аннулируется через три года после даты его вынесения, если очередная ат-

тестация покажет, что предупрежденное лицо исправилось". Сегодня прошло ровно три года с того дня, и меня ждала аттестация. И я хотела покончить с этим побыстрее.

Умывшись и одевшись, я спустилась по лестнице на кухню. Дом у нас был невелик, без гостиной – ее заменяла кухня.

— Слишком много воды расходуешь, - обвиняюще произнес нетрезвый отец.

— Я провела под душем всего пять минут, - без эмоций возразила я, сканируя кухню в поисках пирога.

Отец сэкономил и воду, и электричество, но тепло - увы. Из-за частых перепадов давления ему то и дело было жарко, и он открывал окна. Ему хорошо, а маме – платить.

Грех желать человеку плохого, но, как говорил мой лучший друг Дин, человек является свободным до тех пор, пока он не мешает жить другим. А Валерий испортил мне жизнь изрядно. И я вновь с надеждой подумала: а вдруг он получит третье предупреждение?

У мамы был усталый вид. Тем не менее, она улыбнулась мне:

— Ты все хорошеешь, дочка.

— Мам, прекрати!

Но Эмма была права: я выделялась в толпе. Волосы все больше темнели, карие глаза приобретали блеск и выразительность – это я видела в зеркале. Если буду хорошеть и дальше, одноклассницы с ума сойдут от зависти.

Мама поставила передо мной кружку. Я увидела, что ее большой палец был обмотан полоской пластыря. Вероятно, порезалась, пока чистила яблоки.

— Болит?

— Что?

Я показала на руку.

— Уже нет.

Она ответила слишком быстро, как всегда отвечала на вопросы о себе.

Отец отодвинул тарелку с недоеденным бутербродом. Мне вдруг захотелось попросить маму забрать ее обратно: раз не ест, пусть не держит перед собой то, что она приготовила с утра. Но я молча подвинула свою кружку, освобождая место для тарелки.

— Ты подготовилась? — спросила Эмма.

— Это не контрольная, мам.

— Я знаю.

— Там не поставят оценку за красиво выученный ответ.

Я сказала это резко и тут же пожалела. Она боялась за меня, а я разговаривала так, будто она виновата в существовании аттестаторов.

— Подготовилась, — добавила я тише. — Все будет нормально.

Мама кивнула. Ей хотелось мне верить.

Валерий вдруг убавил телевизор. Тишина стала заметнее крика.

— Нормально, — повторил он. — Посмотрим.

Я подняла глаза.

Он смотрел не на меня, а на экран, где ведущая с аккуратными светлыми волосами уже сменяла утренний прогноз. Пальцы отца лежали на пульте. Они были темными, сухими. Раньше мне нравилось сравнивать наши руки и находить сходство. Теперь я старалась его не видеть.

— Не надо так говорить, — попросила мама.

— Как?

Она не ответила, и телевизор снова заорал.

Я отвела взгляд. Мне казалось, если я признаю свое облегчение при мысли о его третьем предупреждении, машина немедленно это обнаружит. Но я уже признала. Сидела на кухне и пыталась назвать надежду как-нибудь иначе.

Может, заботой о маме?

Или желанием порядка?

Если поменять название, станет ли само чувство менее постыдным?

Отец потянулся за пачкой сигарет. Мама убрала с края стола полотенце, потому что знала, куда он стряхнет пепел, если пепельница окажется слишком далеко. Они проделали это молча, точно давно отрепетированный номер. Я смотрела на них и вдруг поняла, насколько устала от домашних представлений.

В дверь позвонили. Мы втроем замерли, и я стала перебирать в голове все возможные варианты неожиданных гостей,

которые могут заявиться в семь утра. Может, за мной? Пригласить на аттестацию?

Я открыла дверь. Там стоял незнакомый юноша в куртке, на вид старшеклассник. Выше меня ростом, смуглый, курчавый и, на мой взгляд, очень красивый. Этим он отличался от наших. Такого я бы сразу заметила на улице. Я вообще имела склонность следить за красивыми людьми, узнавать, кто они, лазить по их социальным сетям, чтобы выяснить, что делает их лучше других.

— Привет, я Кори, – как-то поспешно сказал он. – Мы переехали в соседний дом сегодня ночью.

Мама тоже подошла к двери:

— Под покровом ночи люди приезжают, если им есть что скрывать. Откуда вы?

Я озадаченно повернулась к ней: с чего вдруг она так грубо?

— Из первого города, – объяснил парень.

– Ах, вот как... – многозначительно протянула Эмма.

— Мы Джефферсоны, – добавил Кори. – Я должен явиться в аттестационный центр, но не знаю, как до него добраться.

У меня появился отличный предлог побыстрее убраться из дому. Пусть даже без завтрака!

Я схватила куртку, нырнула ногами в потрепанные кеды и вымелась за порог.

— Тебе повезло, Кори Джефферсон, мне туда же.

— Но, Хизер, ты не попробовала мой пирог! – мама закри-

чала так обиженно, что я почувствовала угрызения совести.

Однако я и Кори были уже почти у машины. Спиной я ощущала взгляд мамы и словно видела ее – в старом домашнем халате, ненакрашенную, утомившуюся после бессонной ночи.

И ее пирог. Его я тоже видела. Он стоял на столе в ожидании, когда я отрежу первый кусок. Маленькая традиция семьи – дочери всегда достается первый кусок.

Я развернулась на сто восемьдесят градусов, точно зачарованная, и, не веря своим ногам, ссутулившись, вернулась в дом.

— Я совсем забыла, мам. Я отрежу кусок Джефферсону? Обида с лица Эммы исчезла, и она смущенно улыбнулась:
— Четвертый кусок.

Потому что первые три достаются членам семьи.

Я погрузила нож в шарлотку и отрезала четыре куска. Первый мне, четвертый Кори.

Пока я заворачивала кусочки в то, что удалось найти на столе, мама придерживала край бумаги. Ее пластырь прилип, и она тихо вздохнула, отлепляя его.

— Торопишься всегда, — сказала она.

— Он ждет.

— Люди умеют ждать.

По ее голосу я поняла: речь уже не о соседском мальчике. Я коснулась ее руки.

— Мам, я правда забыла. Не нарочно.

Она посмотрела на меня, и на секунду усталость отступила. Я не знала, заметит ли такую перемену машина, но сама заметила совершенно точно.

— Съешь по дороге, — сказала Эмма. — И не гони.

Отец хмыкнул у телевизора.

— Из первого, значит.

Мама перестала двигать руками. Я ждала продолжения, но он снова занялся передачей. Мне захотелось спросить, что ему известно о новой семье. Я не спросила. У нас дома вопросы слишком часто служили началом ссоры.

Я сложила свой кусок рядом с кусочком для Кори и понесла их к двери. Мама проводила меня до порога. Грузовичок стоял недалеко, и новый сосед мог видеть нас обеих.

Не хотелось, чтобы он решил, будто я маленькая девочка, которой мать складывает завтрак в сумку. Еще меньше хотелось, чтобы мама снова почувствовала себя лишней.

Я повернулась и быстро обняла ее одной рукой.

— Вечером расскажу.

— Что?

— Все.

Это было слишком большое обещание для такого маленького утра. Но тогда мне казалось, что рассказать обо всем просто. Возвращаешься домой, садишься за стол, и мама узнает, каким был твой день.

Она поправила воротник моей куртки. На внутренней стороне ткани распустилась нитка, и я машинально спрятала ее

пальцем.

— Не холодно тебе?

— Нет.

— Ладно. Иди.

Я спустилась со ступенек, стараясь не обернуться. Потому что второй раз возвращаться за пирогом было бы уже странно, даже если я действительно оставила его на кухне. Но пирог был со мной, а у мамы наконец появилось немного времени, чтобы просто сесть.

Он ждал меня там, где я его бросила. При виде юноши, отличавшегося от остальных, мне захотелось улыбнуться, но, чтобы не показаться дурочкой, я попыталась как можно сильнее нахмурить брови.

— Это тебе, - я протянула ему пирог. – Уж извини, что без салфетки. Ты, наверное, не привык к такому.

— Придется привыкать, – усмехнулся он. – Нам теперь здесь жить.

Переезжать из города в город разрешали редко, и только жителям верхнего. Причина должна была быть убедительной – ведь, слава Маме, Администрация помогала семьям, у которых возникали серьезные финансовые проблемы: давала долгосрочный кредит или просто дарила деньги. Мама являлась главой Администрации нашего Квадрата. Руководящие органы Квадрата находились именно в моем городе, и я этим гордилась. Главным желанием Мамы было сделать проживание в Квадрате счастливым для всех, поэтому каждый имел

жилье и работу. Да, все, чего хотела Мама, это сделать нас счастливыми. Многие называли ее правление несправедливым, в частности, из-за многочисленных суровых указов, но я считала, что за хорошую жизнь нужно быть благодарными. Практически то же самое говорила она с экрана перед Судным часом или оглашением нового указа.

Первый город был похож на красивую фотографию в чужой рамке: показывают всем, а трогать нельзя. В школьных учебниках оттуда попадались площади, театры, оранжереи, и рядом всегда стояли счастливые люди. По этим картинкам было невозможно понять, кто утром выносит мусор и где хранят грязные ведра после уборки.

Кори стоял у нашего грузовичка так, будто ему не требовалось искать место среди вещей. Он уже имел его. Я невольно посмотрела на куртку: хорошая ткань, аккуратная строчка, молния без заедающих зубцов. Никакого показного блеска. Именно это и раздражало. Если дорогая вещь не хвастается ценой, становится труднее притвориться, что не заметила разницу.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— Ты смотришь на меня, как будто я не там стою.

— Может, и не там.

Он опустил глаза на тротуар, а я ощутила что-то похожее на раскаяние. Ну зачем я это сказала? Человек пришел узнать дорогу, а я уже готова отправить его обратно вместе

с дорогой курткой.

— Садись, — добавила я. — Пока не передумала.

Я открыла водительскую дверь. На сиденье лежала мамина рабочая сумка: она оставила ее, когда вчера привезла покупки. Я перекинула сумку назад и обрадовалась, что в ней ничего не звякнуло. У нас дома было достаточно вещей, которые предпочитали жаловаться на возраст громче, чем требовалось.

Пассажирская дверь открывалась только со второго раза. Кори попробовал дернуть ручку, потом остановился.

— Еще раз, — посоветовала я.

Он послушался и сел.

— Не надо тянуть изо всех сил. Она не убежит.

— Я заметил.

В его голосе не было насмешки. Наверное, это должно было меня успокоить. Почему-то не успокоило.

Я положила бумажный сверток на приборную панель и повернула ключ. Мотор закашлялся. Кори продолжал молчать, и это становилось еще подозрительнее. Разве люди из первого не обязаны удивляться нашим машинам? Или ему велели проявлять особую деликатность, когда он впервые встретит бедность?

— Это не экскурсия, — сказала я.

— Я не просил экскурсию.

— Вот и хорошо.

Кажется, разговор уже обещал быть прекрасным.

Я совсем ушла в свои мысли и даже не заметила, как очутилась в грузовичке. Кори сидел рядом, выжидающе глядя на меня. И ел пирог, роняя крошки себе на колени. Я завела мотор, и мы поехали.

Улица была узкой и безлюдной. Дома тут стояли чуть ли не друг на друге, все разные и не очень большие. Собственно, это был не город, а пригород – пристанище работяг. В городе же здания были повыше и попросторней, там жили те, кто побогаче.

— Ты бы лучше дорогу запоминал, чем на меня смотреть, — посоветовала я.

— Просто ты какая-то странная, — озадачил меня парень. — Ты, наверно, очень творческий человек.

— С чего ты взял?

— Витаешь где-то. Даже страшно перебивать твои мысли.

— Психологию оставь для аттестаторов. Я не из мечтательниц.

— В смысле? Нет мечты? Не может быть. Все о чем-то мечтают. Или людям среднего класса мечтать не о чем?

Будто получила пощечину, честное слово.

— Слушай, если хочешь завести тут друзей, то советую забыть о таких словах, как "верхний город", "средний класс", и уж тем более не смей говорить, что у людей среднего класса — средние цели в жизни!

— Ладно, не кипятись, просто я никогда у вас не жил, а слухи ходят разные. Вот, наверняка среди вас ходят мерзкие

слухи о низшем классе, да?

Здесь он был прав. К примеру, говорили, что у них в домах проживают сразу несколько семей, а двери на замок они даже не закрывают, ибо воровать там нечего.

Я притормозила перед пешеходным переходом. Женщина в длинном пальто тянула за руку мальчика, который упирался и пытался поднять что-то с земли. Наконец, она отпустила его на секунду. Мальчик подобрал варежку и сам бросился догонять мать.

— На людей тоже действуют слухи, — сказал Кори, когда мы снова тронулись.

— Великое открытие.

— Я хотел сказать, иногда проще поверить чужому рассказу, чем увидеть самому.

— Отсюда до нижнего не дойдешь, чтобы проверить.

— Зато до соседа дойдешь.

Я посмотрела на него. Он жевал пирог и держал ладонь под бумажкой, чтобы не уронить крошки. Некоторым все удастся делать прилично. Даже есть в чужой машине, где пахнет пылью и старыми сигаретами.

— Ты всем задаешь столько вопросов?

— Не считал.

— Стоило бы.

Он отломил маленький кусочек и протянул мне.

— Твой остался там.

Я увидела сверток на приборной панели. Он съехал к ло-

бловому стеклу и выглядел печально. Я взяла предложенный кусочек, прежде чем успела решить, вежливо ли так делать.

Пирог был еще теплым внутри. Я на секунду вспомнила кухню и мамин пластырь.

— Вкусно, — сказал Кори.

— Я знаю.

— Передай ей.

— Сам передай. Через забор можешь крикнуть.

Он усмехнулся.

— Думаешь, она обрадуется?

— Лучше, чем если ты крикнешь, что мы люди со средними целями.

— Я уже понял.

— Надеюсь.

За окном мелькнула вывеска ремонтной мастерской. У входа стоял мужчина и спорил с кем-то по телефону. Лицо у него было обычное, почти не запоминающееся. Но я представила, сколько вещей он возвращает к жизни, пока мы обсуждаем, чего люди заслуживают. Может, Дин назвал бы это полезным занятием. Он вообще любил говорить о чужих поступках так, будто заранее видел их результат.

— А у тебя много целей? — спросил Кори.

Вот теперь он окончательно перешел границу.

Мне хотелось ответить что-нибудь великолепное: например, я собираюсь написать книгу, построить дом над водой или открыть способ не видеть одинаковые лица. Но все это

было бы неправдой. У меня были желания, очень много. Не все желания становились целями только от того, что их красиво назвали.

— Хватит вопросов, — сказала я.

— Ладно.

Он замолчал всего на несколько секунд, но я успела ощутить странную пустоту там, где только что было раздражение.

— У меня есть мечта, но тебя она не касается, — сказала я, не ответив на вопрос.

— А кого касается?

— Хлои. Моей подружки. Мы всё друг о друге знаем.

— Вы вместе учитесь?

Кори уже начал надоедать своей болтовней. Пожалуй, дольше, чем с ним, я разговаривала только с Хлоей и Дином. Мне было не особо интересно общаться с одноклассниками, точнее, совсем не интересно, они все одинаковые, у них нет своей жизни, они тупо выполняют пункты из списка, совершенно не желая быть хоть капельку индивидуальными.

Да, у каждого жителя Квадрата, кроме младенцев, был составленный Администрацией список, которому человек должен следовать в жизни. На аттестациях мы с психологом обсуждали эти пункты, он задавал вопросы. Мне это даже нравилось – таким образом я отслеживала определенную закономерность своих поступков, и порой заранее знала, как поступлю в той или иной ситуации.

Однако список не являлся для меня руководством на пути к совершенству. По моему мнению, в нем было мало души, тех качеств, которые развивают красоту. Поэтому я составила свой список. Правда, не ради того, чтобы изменить внешность, а чтобы жизнь была интересней.

— Хизер, ты согласна?

Неужели я прослушала всю его болтовню? "Как жаль".

— О чем ты?

— Я говорю, странно видеть людей-близнецов, но при этом красивых.

— Прости, я не расслышала. Ты учишься в школе?

— Заканчиваю одиннадцатый класс.

Выпускник...

— Некоторое время будешь пользоваться популярностью в колонке сплетен. Нечасто к нам приезжают из верхнего города.

— Ты же сказала, так нельзя говорить.

— Мне можно, тебе нет. Кстати, почему вы переехали?

— Нас переселили.

Вот оно как. Переселение возможно только в единственном случае: если...

— Я получил три предупреждения.

Какой кошмар! Я должна прямо сейчас высадить его, не хватало в такой важный день рисковать аннулированием предупреждения! Между прочим, чем больше у тебя замечаний, тем маловероятнее устроиться после школы на при-

личную работу. А она мне ох как нужна!

— За что? Я понятия не имею, за что можно получить ссылку, Кори Джефферсон!

— За вопросы.

— Нельзя задавать вопросы Администрации!

— Но если очень хочется? И почему «ссылку»?

— Потому что отсюда нет выхода. Мы застряли здесь навсегда.

Уму непостижимо. Хочется ему.

От него исходило чересчур много негатива, нельзя было в таком состоянии являться на аттестацию, поэтому я нажала на тормоз и попыталась успокоиться. Я бы выгнала его прямо сейчас, если бы поступки не отражались на лице. И, буду честной, я должна была узнать, за какие это вопросы его семью наказали, чтобы случайно не произнести их перед аттестатором. Хотя на самом деле меня распирало от любопытства. Не все знают, как разозлить Администрацию.

— Первое предупреждение я получил, когда приобрел запрещенную книгу. Я успел ее прочитать, прежде чем о ней узнали. Второго предупреждения я удостоился спустя несколько минут, когда начал спрашивать о тех умных людях, о которых говорилось в той самой книге. Я никогда прежде не задумывался об истории, были ли раньше выдающиеся люди, и что вообще происходило в мире сто лет назад или тысячу лет. И еще, кто написал книгу? Почему автора нет ни в одном списке?

— А третье? Третье-то за что?

— После прочтения книги я решил, что смог бы дать Администрации новые знания. Я хотел изменить список дел, чтобы люди знали, к чему стремиться, как быть счастливей.

Неожиданно он достал из внутреннего кармана куртки сверток размером с мизинец. Я бы посчитала его за сигарету. Кори протянул его мне, но я отстранилась, словно эта маленькая вещица могла обжечь.

— Я спросил, есть ли возможность пройти обучение, чтобы втиснуться в ряды аттестаторов, – продолжал Кори. – А мне сказали странную вещь: мол, этому нельзя обучиться. И я подумал: а откуда вы все появились - аттестаторы, если жителям Квадрата запрещено ими быть? И мою семью перевели сюда. Под строгое наблюдение.

На перекрестке загорелся красный. Я остановилась слишком резко, и остатки пирога едва не сползли с бумаги.

Кори придержал их, потом снова свернул маленький листок. Я смотрела на сверток краем глаза. Забавно: обычная бумажка не изменилась, а теперь мне казалось, что в ней спрятано что-то живое и опасное.

— У тебя там тоже вопросы? — спросила я.

— Нет. Дела.

— Которые нельзя делать?

— Которые я хочу сделать.

Перед нами стоял автобус. На его заднем стекле отражались наши лица, и я не могла толком разглядеть свое. Кори

было видно лучше. Он сидел расслабленно, но листок держал осторожно, как билет, который может потерять силу, если слишком сильно сжать.

— Если это действительно твои дела, зачем их кому-то показывать?

— Иногда показываешь, чтобы не передумать.

— А если человек посмеется?

— Тогда не покажу ему второй раз.

До чего удобный ответ. Я бы об этом смехе думала неделю, а он всего лишь исключит человека из списка приглашенных.

— Ты не боишься выглядеть глупо?

— Боюсь.

Я повернулась к нему, забыв про автобус.

— Правда?

— Да. Просто иногда хочу чего-то сильнее.

Загорелся зеленый. Сзади коротко посигналили, и я нажала на газ.

Неприятно было признавать, что его слова попали туда, куда я обычно никого не пускала. Я ведь тоже хотела многого. Прогуляться за границу леса. Узнать, куда исчезают победители. Помочь маме так, чтобы она наконец перестала считать деньги в уме, пока улыбалась мне. Но каждому желанию я тут же находила разумную преграду. Возможно, моя разумность состояла исключительно из преград.

— Запрещенную книгу у тебя забрали? — спросила я.

Кори посмотрел на меня внимательно. Я уже жалела о вопросе.

— Да.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что у тебя не будет повода взять ее с собой и забыть в чужой машине.

Он спрятал сверток в карман.

— Не волнуйся. У тебя ничего не останется.

Мне следовало обрадоваться. Но я вдруг почувствовала обиду, совершенно неуместную: он будто заранее решил, что после нашей поездки в моей жизни не останется даже маленькой бумажки от него.

Хизер, очнись. Ты пять минут назад мечтала, чтобы он высадился.

Мой мозг был настолько перенасыщен информацией, одновременно опасной и будоражащей, что я потеряла дар речи. Кто этот Кори Джефферсон? Вдруг он подослан, чтобы я провалила переаттестацию? Ведь тогда мое имя поместят в список людей, совершивших более тяжкие проступки и заклеенных вторым предупреждением. Или мне просто везет на странных личностей? Почему сегодня? Почему он появился именно сегодня, когда малейшее мое волнение уловят аттестаторские машины?

Лучшим для меня вариантом было сменить тему или в молчании доехать до аттестационного центра.

— Я не хочу этого больше слушать.

Я запустила мотор и повела грузовичок дальше, делая вид, что о чем-то размышляю, хотя на самом деле думала только об одном: «Я не хочу тебя слушать». Несмотря на все мои попытки выглядеть равнодушной, Кори продолжал нести какой-то бред.

Он был действительно странным парнем. Слишком много говорил, причем о таком, о чем я никогда и не думала. Да и другие, наверное, тоже. Нас устраивало правление Мамы. Нам не позволяли совершать серьезных ошибок, а значит, существовала очень малая вероятность превратиться в монстра.

Я иногда задумывалась: а каково жить в мире, где красота проявляется лишь снаружи, а внутри человека неизвестно что? Окажись я среди таких, о чем бы я думала? Как бы повела себя с людьми, от которых не знаешь чего ожидать? Наверное, растерялась бы.

Хорошо жить в мире, где все поступки людей как на ладони.

Но даже тут я ощущала себя некомфортно. Мы слишком мало отличались друг от друга. Порой я путалась, к кому обращаться на уроке математики. Хорошо, что все сидели на одних и тех же местах весь учебный год.

Здесь я хотя бы видела, общение с кем обещает быть интересным и полезным, а с кем — "ни о чем".

Фух, я действительно отвлеклась от бреда Кори, хоть все-

го и на пару минут. По-моему, его стремление говорить со всеми и обо всем не задержит его семью в городе "для тех, у кого средние цели в жизни". Все, о чем я сейчас мечтала, это попрощаться с ним. Чтобы не думать о его наказаниях, о стремлении изменить устоявшиеся правила. Пусть у меня тоже был альтернативный список дел, но хвастаться им не стоило. А Кори вел себя неосторожно, по-мальчишески.

— А почему ты в такую рань в аттестационный центр? — спросил он.

Кори опять пытался втянуть меня в разговор! Хочет завести новое знакомство?

— Жаль, что я не та, кто тебе нужен.

— В смысле?

— Ты мне не нравишься, Кори Джефферсон.

— Тогда почему ты меня еще не высадила?

— Потому что поступки отражаются на лице. Боюсь, если кину тебя посреди дороги, мне придется до конца жизни удалять усы над губой. И ты болтаешь слишком много лишнего. Появился неизвестно откуда с целым набором наказаний и первым делом наведываешься в мой дом. Я, знаешь ли, рискую.

— погоди, - Кори развернулся ко мне всем телом и глаза его засветились так, будто он собирался сказать, что он волшебник. - Сколько у тебя их?

— Кого?

Впервые увидела подобное выражение лица. Не знаю, что

оно значило, но выглядело потрясающе. Словно Кори превратился в обаятельного ребенка. Хм, я слышала об этом: нотка красоты. Если бы не руль, я бы прямо сейчас убила голову об землю, подобно страусу.

Кори стоял на правильном пути, а значит, мне было чему поучиться. Вот бы мой новый сосед разговаривал не только о вещах, способных разозлить Администрацию.

— Предупреждений, – пояснил он.

— Одно. Я получила его в тринадцать лет, на первой аттестации.

По его лицу пробежала ухмылка, и я снова заметила, насколько он красив. Зря я сказала правду, теперь он изменит отношение ко мне, как многие одноклассники.

Когда меня наказали, они несколько месяцев боялись со мной разговаривать. Считали мой голос заразным. Но сегодня предупреждение аннулируют, и все изменится. Меня станут замечать. Пускай я особо не рвусь общаться с ровесниками, и вряд ли изменю принципам общения, но порой хочется чувствовать себя интересной для кого-то. Услышать в свой адрес: «Хизер, что думаешь насчет этого?» Или играть в «вышибалы», и не быть той, кого стремятся исключить из игры в первую очередь.

— Когда его аннулируют? – задал новый вопрос Кори.

— Сегодня.

Он закрыл рот рукой, будто пожалел о своей болтовне.

— У тебя очень важный день сегодня, а я заливаю обо

всяких странных вещах. Теперь из-за меня, вероятно, ты не пройдешь аттестацию.

— Умеешь поддержать!

— Хизер...

— Что?

— Все будет хорошо!

Он вызывал слишком много противоречивых эмоций. На сегодня мне было достаточно.

Кори снова замолчал. Я поправила зеркало заднего вида и неожиданно увидела в нем собственные глаза. Они были обычными, чуть уставшими. Ни одного признака того, что я уже успела поговорить о запрещенной книге и повезла в центр человека с тремя предупреждениями.

Значит, не все происходит мгновенно. Или я пока не совершила ничего дурного.

Вдоль улицы тянулись магазины, еще закрытые, со спущенными решетками. На витрине салона одежды висела фотография девушки с голыми плечами. На ее шее сияло украшение в форме капли. Девушка не улыбалась, но от нее невозможно было отвести взгляд.

— У вас все такие? — спросила я и сразу разозлилась на себя.

— Какие?

— Не важно.

Но он уже посмотрел в окно.

— Нет. Там тоже разные люди.

— Почему-то на фотографиях всегда одинаково счастливые.

— Ты решила, что она счастлива?

— А разве нет?

Кори пожал плечами.

Я вспомнила, как мама улыбалась на старом снимке. У нее были красивые волосы, легкое платье, рука на чьем-то плече за пределами кадра. Если показать снимок незнакомцу, он скажет: счастливая женщина. Если показать Эмме, она начнет вспоминать, почему тогда так устала и кто задержал ее перед выходом. Кажется, фотографии выбирают совсем не то, что мы в них оставляем.

Может, Кори было бы неприятно услышать, что я сравниваю его город с рекламой. Но он ничего не уточнял. Смотрел вперед, и мне впервые захотелось знать, что происходит у него в голове, без помощи машин.

— Ты давно водишь? — спросил он.

— Достаточно.

— Очень убедительно.

— Хочешь дойти пешком?

— Нет, хочу, чтобы ты смотрела на дорогу.

Я снова подняла глаза к зеркалу и тут же отвернулась. Конечно, он заметил, как я проверяю лицо. Ему было нетрудно заметить: я делала это уже в третий раз.

— Ничего не произошло, — сказал Кори.

— Ты не аттестатор.

— Это правда.

— И не надо пытаться им стать прямо в нашей машине.

Он поднял руки, сдаваясь, а я неожиданно улыбнулась. Сразу спрятала улыбку, прикусив губу. К сожалению, прятать ее было поздно. Кори посмотрел так, будто добился чего-то важного, и я решила, что пора включить музыку. Или хоть новости. Любой чужой голос, который позволит нам немного побыть незнакомцами.

Я включила радио и попала на волну, которую постоянно слушал отец: новости. Обычно я предпочитала ее игнорировать, ибо дикторы редко сообщали что-то полезное. К тому же Валерий имел привычку пересказывать все, что услышал.

Однако, если диктор говорит: «Важное сообщение», — значит, в городе произошло что-то серьезное.

— Этой ночью была захвачена группа людей, организовавших вечеринку для школьников. На ней подростки принимали наркотик, под воздействием которого главный человеческий код, известный всем как "Код Совершенства", мутировал и на несколько минут придал школьникам безупречную красоту. Всем известно, что Администрация уже несколько лет работает над лекарством от уродства, но блуждающий среди молодежи наркотик - всего лишь ранняя стадия разработки. Администрация понимает стремление людей быть красивыми, но просит не забывать, что наркотик опасен. Его употребление может привести к тяжелым последствиям.

— Что думаешь? - спросила я с подковыркой, выключив

радио.

— В смысле?

— Ты все видишь, как в кривом зеркале. Что думаешь о наркотике, о лекарстве?

— Радио - средство массовой информации. Отличный способ оповестить всех о существовании наркотика. Ответь мне честно: ты бы приняла его?

— Приняла бы я наркотик чисто из интереса, чтобы увидеть, насколько я могу быть красивой? Нет.

— Тебе он не нужен. Ты и так красивая.

Такого комплимента я еще не слышала. Самое лестное, что человеку обычно говорят: ты изменился. Что значит – похорошел.

Я остановила машину на огромной автостоянке, пока почти пустой, и выключила зажигание.

— Ага, вот это и есть аттестационный центр? - спросил Кори, сгорбившись, чтобы разглядеть здание из окна.

А в моих ушах до сих пор сладко звучали его слова: «Ты и так красивая...»

Красивая.

Здание было длинным и высоким, с темными тонированными окнами и полукруглым выступом посередине фасада, похожим на балкон. По бокам этого внушительного строения возвышались две массивные башни. Ночью они выглядят так, словно невидимый гигант набрасывает на них светящиеся голубые кольца, которые проходят сверху донизу и

погружаются в землю.

— На этом все, не хочу рисковать твоим положением, - парень добродушно улыбнулся. — Спасибо, что подвезла.

А я хотела сказать, мол, увидимся в школе... но не смогла выдавить из себя ни слова. Только молча смотрела на него.

— Все будет хорошо, Хизер.

Я провожала его взглядом, пока он шел к зданию. Не торопился, не оглядывался на окна, даже не пытался перед входом поправить куртку. Я бы поправила. И волосы. И выражение лица, если бы умела делать это незаметно.

В какой-то момент он все же обернулся и поднял руку. Я тоже подняла свою, но слишком поздно: он уже смотрел вперед.

Глупость. Кто вообще замечает такие вещи?

Я заметила.

На пассажирском сиденье осталась крошка. Я взяла ее кончиком пальца и почему-то не сразу выбросила. Пирог доказал, что Кори действительно сидел здесь, задавал вопросы, раздражал меня, говорил совершенно недопустимые вещи и называл красивой. Скоро я войду в четвертый кабинет, и все это станет материалом для оценки.

Неужели нужно рассказывать?

На переаттестации нельзя скрывать то, что изменило твои взгляды. Только взгляды не изменились. Я же не собиралась читать запрещенные книги. Не собиралась становиться аттестатором. Не соглашалась с тем, что история Квадрата неиз-

вестна нам нарочно.

Я всего лишь отвезла соседа.

Произнесла эти слова вслух и почувствовала, насколько жалко они звучат в пустой машине.

На стоянку въехал еще один автомобиль. Из него вышла женщина, поправляя воротник своего мужа. Муж раздраженно дернул плечом. Она тут же убрала руку и подняла собственный подбородок, будто ничего не произошло.

От такого вида я почти физически почувствовала прикосновение маминых пальцев к моей куртке.

Вот что следует помнить в кабинете. Я не одна. У меня есть мама, и сегодня ей нужен мой спокойный ответ. Если я получу второе предупреждение, оно упадет не только в мой ящик с документами.

Я стряхнула крошку, вытерла палец о бумагу и взяла свой недоеденный кусок. Он успел остыть. Пирог был вкусным и холодным, а я вдруг ужасно жалела, что не съела его на кухне вместе с Эммой.

До назначенного времени оставалось немного. Еще можно было никуда не торопиться, но больше сидеть на стоянке не хотелось. Внутри меня будто поселился Кори Джефферсон и продолжал спрашивать, куда я собираюсь идти и чего я на самом деле хочу.

Кори Джефферсон вошел в двери аттестационного центра, я же решила потянуть время на стоянке. Раннее утро было великолепным. Низкое солнце уже ласково согревало ко-

жу через лобовое стекло. Город отсюда выглядел как миниа-
тюра, ведь здание центра располагалось на холме. Не слиш-
ком высоком, но достаточном для того, чтобы отнести город
к жанру "пейзаж".

Голова была еще тяжелой, но не только из-за Кори. Мы
с мамой устали жить с Валерием. Даже если предупрежде-
ние снимут, у меня все равно нет работы, нет собственного
жилья. Государство предоставляло личный дом только с на-
ступлением восемнадцатилетия, а значит, жить с отцом оста-
лось еще два года. Ужас ужасный. Валерий словно чувство-
вал грядущие перемены, подозревал о стремлении Эммы к
разводу, и от злости каждая его выходка была хуже преды-
дущей.

Вот бы небеса приносили умиротворение каждый день,
тогда люди были бы счастливее. Хорошо, если бы небо нахо-
дилось внутри нас. Я представила, как утро растворяется во
мне. Где-то в груди переливалось тепло. Настоящее ли оно
или это только самовнушение?

Я вышла из грузовичка, закрыла дверь и проверила ее
ручкой. У отца была привычка ругать меня за незапертую
машину. Даже в городе, где воровать считалось одним из са-
мых быстрых способов испортить собственное лицо, он на-
ходил, чего опасаться.

По ступеням перед центром поднималась пожилая жен-
щина. Она держала сумку обеими руками, прижав к живото-
ту. Я замедлилась, чтобы не обгонять ее слишком резко. На

третьей ступеньке она остановилась.

— Помочь?

Она посмотрела на меня с тревогой, словно я спросила что-то совсем другое.

— Нет, спасибо. Я сама.

Я пошла дальше. Хорошие намерения снова ни к чему не привели, разве что сделали женщине неприятно. Дин сказал бы, что это не повод больше не предлагать помощь. Дин вообще всегда знал, как нужно поступить, когда поступать предстояло кому-то другому.

У входа стояла прозрачная урна. В ней не было мусора, только один сложенный бумажный стаканчик, и от этого урна выглядела похожей на витрину. Мне хотелось, чтобы в нашем городе иногда оставались просто вещи. Урна — для мусора, стул — чтобы сесть, окно — чтобы выглянуть. А не очередная возможность показать, насколько все у нас хорошо устроено.

Двери разошлись передо мной беззвучно. Теплый воздух коснулся лица, и я вспомнила, что должна успокоиться. Здесь было чисто, безопасно и все понятно. Люди приходят проверить, что с ними происходит, а сотрудники помогают им стать лучше.

Так я объясняла себе это место все тридцать пять предыдущих раз.

Вошедшая следом женщина задержалась на коврике, оглядывая помещение. Я придержала сумку на плече и от-

вернулась, чтобы не смущать ее своим вниманием.

Над проходом висело большое изображение солнца. Короткие лучи окружали круг. С детства этот знак означал, что можно не бояться. Он стоял на документах, школьных грамотах, медицинских карточках. Даже на бумаге с моим предупреждением была такая эмблема.

Я посмотрела на нее и на секунду захотела оказаться снова маленькой. В том возрасте, когда знак на стене еще мог что-нибудь обещать без дополнительных объяснений.

В холле было пусто – народ сюда обычно подтягивался попозже, – поэтому на ресепшене дежурила только одна девушка. Она улыбнулась, увидев меня. Ее глаза загорелись серыми огоньками. Девушка за стеклом была красива. И я ее знала.

— Привет, Хлоя, – тоже улыбнулась я от дверей.

Подруга держала телефон у уха и одновременно закрывала пальцем окно на экране. На столе перед ней лежали два одинаковых карандаша, один заточенный, другой тупой. Я знала, что она всегда выбирает тупой: тогда не нужно стараться писать аккуратно.

— Да, ваше время указано в приглашении, — произнесла она таким взрослым голосом, что я едва не засмеялась. — Нет, не в другой день. В этот.

Хлоя посмотрела на меня и закатила глаза. На секунду исчезла девушка в форме, осталась моя подруга, вынужденная объяснять очевидное.

Я показала на невидимые часы. Она кивнула: подожди.

Пока Хлоя слушала собеседника, я рассмотрела ее бейдж. Имя было напечатано крупнее, чем должность. Мне нравилось это решение. Здесь ее хотя бы не перепутают с какой-нибудь другой девушкой за стойкой. Впрочем, Хлою и без того было трудно перепутать.

— Да. До свидания.

Она положила трубку и выдохнула.

— Если бы люди читали приглашения, мне бы пришлось работать вдвое меньше.

— Может, они хотят услышать тебя.

— Тогда пусть звонят после моей смены.

Подруга наклонилась вперед, рассматривая меня.

— Не спала?

— Спала.

— Не похоже.

— Спасибо. Это именно то, что мне нужно услышать перед переаттестацией.

— Я говорю как подруга.

— Как подруга, скажи, что я выгляжу прекрасно.

— Ты выглядишь прекрасно. Для человека, который не спал.

Я улыбнулась, и вместе с улыбкой стало чуть легче дышать.

У Хлои были серьги с маленькими прозрачными камнями. Один камень повернулся к свету и вспыхнул. Я неволь-

но посмотрела на свое отражение в стекле: волосы лежали обычно, лицо было слишком серьезным. Рядом с ней я всегда казалась себе человеком, который вышел из дома, забыв какую-нибудь важную часть себя.

— Не дергай рукав, — сказала Хлоя. — Сейчас протрешь. Я опустила руку. Не заметила, как начала мять манжету.

— Ты ведь знаешь, что все будет хорошо.

— Не знаю.

Подруга откинулась на спинку кресла.

— Тогда хотя бы не решай заранее, что будет плохо.

В ее исполнении даже разумный совет звучал немного высокомерно. Но я была благодарна. Здесь, за стеклом и компьютерами, Хлоя все еще замечала то, о чем я не хотела говорить.

Хлое исполнилось шестнадцать в прошлом году. По идее, ей еще рано было работать, но для красивых людей часто делают исключение. Вот она и устроилась сюда — дежурила два дня в неделю, пропуская учебу в школе, и ей это нравилось.

Хлоя была из тех, кто желает выделяться. Она жаждала грандиозных событий, но, тем не менее, доводить дело до конца не ее конек.

Учились мы в одной школе, но в разных классах, а сблизились в прошлом году. Как-то на перемене я заслушалась одним треком до потери ориентации. Я всегда погружаюсь во что-нибудь с головой. Музыка оркестра переполняла мою душу, и проходившая мимо Хлоя заметила мои слезы. Она

решила, что мне одиноко, и решила заговорить. Когда она узнала, в чем дело, ее лицо стало напоминать мое, когда на завтрак мама подавала перловую кашу. Она удивилась, что человек может заплакать из-за музыки. Девчонка посчитала мой темперамент странным и безумно интересным. И мы стали подругами.

Хлоя могла устроиться где угодно, с ее внешностью это не проблема, однако работать в кругу Администрации лучше всего. Возле Мама люди в большей безопасности, оттого многие мечтают получить должность в аттестационном центре, причем любую, даже уборщика. И зарплата здесь была высокая. В общем, одноклассники знали о работе Хлои и завидовали ей. Зависть не порок, если благодаря ей возникает мечта.

В ожидании, пока подруга закончит очередную запись, я села на белый стул неподалеку. Он был слишком чистым: на таком месте чувствуешь ответственность за каждый след подошвы.

У стены стоял мужчина с девочкой лет восьми. Девочка держала его за палец и разглядывала одинаковые двери. Я вспомнила себя в ее возрасте и тут же отвела взгляд. Ей не нужно было знать, что у людей, выросших среди этих дверей, далеко не всегда пропадает страх.

— Здесь не делают больно, — сказал отец.

Она кивнула и сильнее сжала палец.

Я не знала, зачем ее привели: первая аттестация начина-

лась позже. Может, у отца не с кем было оставить ребенка. А может, он хотел показать ей, что красивый мир не нужно бояться.

Мужчина расстегнул куртку и аккуратно сложил ее на соседнем стуле. Девочка сразу положила ладонь на ткань, будто застолбила место, где можно ждать. Такая маленькая вещь, а я вдруг поняла ее лучше, чем многих одноклассников.

Хлоя подняла глаза и махнула мне. Я встала, но не сразу подошла: на стене за стойкой менялось изображение, и откуда уже лился незнакомый голос.

Прежде чем продолжить разговор с подругой, я огляделась и увидела среди белых плит, наложенных друг на друга подобно чешуе, плазменный экран. Обычно он демонстрировал правила посещения центра. Но сейчас там шла новая реклама. Я подошла поближе и приказала телевизору:

— Громче на десять процентов.

Реклама состояла из коротких видеороликов. На фоне звездного неба крупным планом застыло лицо девушки с резко подчеркнутыми глазами – обилие туши, черных теней и подводки. Она выглядела потрясающе, но, по мне, неестественно.

Другая девушка замедленно, вниз головой, прыгала в море. Ее кожа отливала металлом, красные волосы колыхались волнами. По всей видимости, актрисе не терпелось погрузиться в воду, или же умереть. Я не особо поняла всей прелесть этого видео.

— Код Совершенства, – говорили за кадром. – Все мы о нем слышали. Он присутствует в любом из нас, но, несмотря на то, что мы все так похожи, красота каждого человека индивидуальна. Очень скоро Мама представит кое-что сладкое. Сыворотку красоты. Лекарство от уродства. Мама заявляет: мы близки к совершенству.

– Чудесная реклама, – сказала Хлоя, когда я подошла к ней.

— Ты хочешь такое лекарство? – спросила я.

— Конечно, хочу.

— Но, Хлоя, ты и так красивая!

— Мне этого, – она указала на свое лицо большим пальцем, – мало!

— Да тебя хоть сейчас на игры Высшей лиги!

— Почему обязательно сейчас? – спросила я. — Ты успеешь.

Хлоя потерла пальцем край бейджа.

— Все говорят «успеешь». Потом оказывается, что уже кто-то другой успел.

Она сказала это без обычной улыбки, и мне стало немного стыдно. Я слишком легко считала ее мечту капризом. Мне не нравилось наблюдать, как Хлоя примеряет будущее, будто платье. Но у нее хотя бы было что примерять.

— Ты думаешь о них все время?

— О ком?

— Об участниках.

— Не только. О себе там.

Я посмотрела на ее руки. На одном пальце, возле ногтя, была тонкая царапина. Даже у красавиц кожа иногда просто царапается, без философского объяснения.

— А что, если тебя выберут, а меня не будет рядом? — спросила она.

— Тогда ты будешь звонить и рассказывать, сколько раз все вокруг тебя восхитились.

— Нормальный ответ можешь дать?

— Могу. Я буду смотреть.

Хлоя задержала на мне взгляд.

— Не переключишь?

— Только на рекламе.

Она усмехнулась, а я подумала, что нетрудно обещать смотреть чужую борьбу из теплой кухни. Там, за экраном, человек может бояться, мерзнуть, сбивать колени. Зритель же подвинет кружку и скажет: ну же, давай, еще немного.

Наверное, именно поэтому Хлое хотелось оказаться внутри. Когда за тобой смотрит весь Квадрат, никто не сможет сделать вид, что тебя не существует.

Это желание я понимала слишком хорошо.

— До отбора еще почти два месяца.

Хлоя уже давно грезилась попасть на игры, еще с тех пор, как мы познакомились. Однако ее желание отличалось от желаний других мечтательниц. Хлоя хотела участвовать в них, чтобы достигнуть идеальной красоты, оказывая помощь дру-

гим игрокам. Она думает, что доброе дело поможет ей добиться полноценности. Правда, многие полагают, что добро, сотворенное ради личной выгоды, не засчитывается. Но тут у нас своя точка зрения. Она навеяна моим другом Дином, и, думаю, его мнение правильное.

Любое проявление добра остается добром, независимо от побуждений. Говорят еще: "Факт остается фактом". Это из одной оперы. Если ты помогаешь человеку, думая искупить этим поступком свою вину, почему бы и нет? И другому поможешь, и себе лучше сделаешь!

На играх Высшей лиги все участники нуждаются в помощи. Но люди меняются там, им кажется, что нет ничего важнее, чем дойти до конца, обрести несравнимую красоту. В играх есть правила, и да, в них говорится о победителе, который получит статус самого красивого человека на земле, но что дальше? После игр победителя отправляют на операционный стол, где у всех на глазах его внешность преобразуется до Совершенства. А потом камеры выключают.

О дальнейшем мнения моих одноклассников расходились. Кто-то говорил, что победитель отправляется в город для богатых, ведь он заслужил это, дойдя до конца. Ему просто не место среди нас - среднего класса. Другие пускали байки, мол, убивают их. Нет места на земле для второй королевы, кроме Мамаы.

В холл вошли еще несколько человек, и Хлоя снова выпрямилась, возвращаясь к своему взрослому голосу. Мужчи-

на у стены надел куртку, девочка взяла его за палец. Теперь они собирались уходить, и я ощутила нелепую зависть: их путь уже вел к дверям наружу, мой пока только к кабинету.

Телефон завибрировал в кармане. Я подумала, что мама, но это было автоматическое напоминание о времени аттестации.

«Будьте готовы назвать имя и статус».

Я прочитала сообщение дважды. Имя я могла назвать. Со статусом было труднее: хотелось, чтобы через несколько минут он остался в прошлом, как давняя болезнь. Только болезнь хотя бы не печатали в приглашении.

— Что там? — спросила Хлоя.

— Напоминание.

— Вот видишь, заботятся, чтобы ты не забыла.

— Я три года не забываю.

Она прикусила губу и отвела глаза. Видимо, я все-таки прозвучала резче, чем нужно.

— Извини, — добавила я. — Это не к тебе.

— Знаю.

Но она не сразу посмотрела на меня снова.

Я убрала телефон. На экране успело появиться наше отражение: Хлоя за стеклом, я перед ним. Если наклонить голову, линия разделяет лица; если отойти, мы оказываемся рядом. Интересно, сколько таких линий существует в нашей жизни? Держись на правильном расстоянии — и кажется, будто ничего тебя не отделяет от другого человека.

Мама, наверное, уже убрала со стола. Или сидела перед остывшим чаем и ждала звонка. Мне захотелось написать ей, что все хорошо. Потом я решила сначала сделать так, чтобы это оказалось правдой.

Я разгладила край куртки. В голове снова звучало «ты и так красивая». Я злилась на эти слова за то, что они мешают сосредоточиться, и одновременно держалась за них. Они были сказаны без экрана, без кресла, без цифр по четырем сторонам лица. Просто мальчик сидел рядом и посмотрел на меня.

Надо же было выбрать такой день.

— Куда мне идти? – спросила я.

Хлоя посмотрела на монитор:

— В четвертый кабинет.

Ну, вот и все. Люди в четвертом кабинете решат мое будущее. Осталось лишь войти. Сегодня должен быть особый осмотр. Не каждый день человека снимают с учета.

Я прошла мимо белоснежных стульев, намертво прикрепленных к таким же белым чешуйчатым стенам, углубилась в коридор и остановилась у нужной двери. Лампочка над звонком сияла приятным салатовым цветом, напоминавшим мне самый разгар лета, когда улицы города улыбаются листвой.

Я позвонила и застыла в ожидании ответа. Лампочка стала синей – можно открыть дверь. Через несколько минут я, Хизер Ривера, выйду совсем другой. Чистой.

Глава вторая

Золотая капсула

Мир совершенен! Только посмотри:

Здесь праведники на ладони Бога

Идут вперед по гладкому пути,

И красотой сияет их дорога.

— Имя? — спросила меня Милиса Коул — привлекательная женщина лет тридцати, с черными волосами, убранными в конский хвост. Одета она была в стандартную форму аттестаторов — красный халат до колен.

Их рабочая одежда напоминала кровь.

— Хизер Ривера. Потенциальный список.

Последняя фраза далась мне с трудом. Было стыдно. Я представляла, каково им постоянно расспрашивать людей не от мира сего. Будь я на их месте, каждую секунду опасалась бы получить по лицу. Я, конечно, не какая-нибудь больная, но уверена, что такие живут среди нас.

Только сейчас я заметила, что такой же цвет был у тонкой полосы на полу. Она шла от двери к креслу и делала поворот возле стола. Каждый месяц я наступала на нее, ни о чем не думая. Сегодня почему-то поставила обе ноги по одну сторону, словно полоска могла отделить приличного человека от меня.

Милиса не подняла головы. Стук ее пальцев по клавишам был единственным звуком, который зависел от человека. Все

остальное гудело само: лампы, вентиляция, огромная машина в углу. Даже двери закрывались без помощи рук. Удобное место для тех, кто устал общаться с посетителями. Правда, пока еще требовалось спрашивать наши имена. Надеюсь, кто-нибудь не слишком старательный придумает отменить и это.

Я заранее приготовила улыбку. Не широкую, чтобы не показаться чересчур довольной собой, и не жалкую, чтобы меня не захотели пожалеть. Пока шла от двери к столу, улыбка испортилась. Я чувствовала, как один угол рта дергается выше другого.

В кабинете не было зеркала. Это меня всякий раз удивляло. Столько приборов, которые могли заметить на твоём лице то, чего ты сама не видела, а простого зеркала не повесили. Хотелось взглянуть на себя перед разговором. Вытереть нос, поправить волосы, убедиться, что ты хотя бы внешне готова к своему будущему.

— Можно поставить рюкзак? — спросила я.

Милисa указала на низкую полку. Там уже лежала чужая перчатка. Не знаю, почему такая мелочь меня успокоила. Значит, кто-то побывал тут, встал из кресла и ушел, забыв совершенно обычную вещь. Я тоже могла выйти из этого кабинета. Даже оставить что-нибудь. Рюкзак, например. Желательно целиком.

Я устроила его лямками внутрь, чтобы никто не споткнулся. Вдруг машина еще не включена, а хорошие поступки уже

учитываются?

Мне почудилось, что второй администратор, завидевший меня, слегка удивился. Неужели получить предупреждение в наше время редкость?

Поскорее бы они поняли, что я исправилась, и готова жить, как все нормальные люди: без ненависти, злорадства, с пониманием к окружающим. Хочу излучать только позитивные эмоции, да хоть в солнце превратиться!

Помимо Милисы, которая принялась искать мои данные в компьютере, в кабинете находились двое мужчин. Они готовили оборудование, которое я называла "сканер добрых дел". Он отмечал изменения внешности объекта. Мужчины загружали мой личный диск с зафиксированными данными за три года.

Сколько раз я уже видела эти стены? Сегодня у меня тридцать шестой осмотр.

На четырнадцатом у меня был насморк. На двадцать первом я пришла после бега, и мне велели десять минут сидеть спокойно, прежде чем снимать показатели. На двадцать девятом внезапно погас свет. Мы все ждали в темноте, и я впервые услышала, как аттестатор зевает. До этого мне казалось, что они даже устают по расписанию.

Я помнила визиты лучше, чем праздники. Праздник редко менял что-нибудь, кроме содержимого холодильника. Здесь все могло измениться за время, необходимое человеку, чтобы поставить одну отметку.

Один из мужчин снял с моего диска прозрачную крышку. Он держал его за края, бережно, точно внутри находилась маленькая Хизер, которую легко сломать. Затем вставил в аппарат и посмотрел на меня. Мне хотелось спросить, все ли там цело.

Вместо этого я разгладила юбку. На колене осталось светлое пятно от ладони: я слишком сильно прижимала ткань.

— Сейчас мы сравним последовательность, — сказал мужчина, заметив мой взгляд. — Не отдельную фотографию.

Я кивнула так, будто знала разницу. Вообще-то знала: на отдельных снимках я иногда нравилась себе. Достаточно неудачно моргнуть в следующий месяц — и вот уже доказательство нравственного падения. Конечно, аппарат был умнее моего домашнего зеркала. Так нам говорили. И все же я надеялась, что сегодня он окажется немного снисходительнее.

Милица положила перед собой чистый лист. В прежние разы листы были заполнены заранее. Пустая бумага понравилась мне гораздо меньше. На ней можно было написать все что угодно.

Кабинет был большим, почти как класс. Он напоминал космическую станцию — разные приборы, белые стены с металлическими вставками... Кстати, вставки — часть сканера. То, что ученые считывают с лица, связано с магнитной энергией, которая исходит от человека, а металлические вставки не дают моему энергетическому полю распыляться.

Если бы я видела больше, чем могут позволить глаза, я бы заметила, как эти вставки связали мое тело подобно цепям.

— Садись в кресло, Хизер.

Я опустилась на сиденье. Мне было страшно. Сканер — только первый этап аттестации. Надеюсь, все пройдет хорошо. Только бы не думать о байках Кори Джефферсона. Он наверняка пожалуется на здешние кресла. То, в котором я сидела, было жестким, стеклянным, но с мягким подголовником.

И вот началось. Перед лицом появился считывающий прозрачный экран.

— Не моргать тридцать секунд. Лицо расслабить.

На экране появилось окно загрузки, затем мужчина провел по нему пальцем, запуская разные процессы. Я увидела геометрические фигуры, яркие голограммы, четыре числовых показателя по бокам — все это находилось в постоянном движении.

Еще двадцать секунд не моргать.

На десятой секунде глаза уже горели. На одиннадцатой я поняла, что считаю неправильно: мужчина запустил сканирование чуть позднее, чем я начала терпеть. Пришлось прибавить еще две секунды. Или три? Из-за такого великого математического таланта мне вполне могли добавить целый месяц.

За прозрачным экраном я видела Милису. Она не смотрела на мое лицо, только на свой монитор. Разве не это мы

делали дома, когда Мама говорила по телевизору? Смотрели на экран, стараясь понять, достаточно ли все хорошо. Сейчас экраном была я.

Появилась тонкая вертикальная линия. Она прошла от виска до подбородка, потом обратно. У самой переносицы вспыхнула точка. Я испугалась, что это прыщик, о котором я не знала. Неужели целую ночь боялась не того?

Мужчина наклонился ближе к прибору, закрыв собой половину кабинета.

Я хотела втянуть подбородок, чтобы выглядеть приличнее, но вспомнила приказ не двигаться. Пальцы на подлокотниках онемели. Я стала мысленно перечислять то, что могла сделать после выхода: позвонить маме, купить хлеб, пройти мимо Саманты и не сказать ни слова. Последний пункт выглядел особенно добродетельно. Он и стал самым трудным.

Если бы мне позволили думать только о хорошем, я бы думала об утреннем ветре. Он не требовал от меня расслабить лицо. Ветер мог ударить в глаза, но не записывал это в личный диск.

Наконец один из мужчин коснулся экрана, и линия исчезла.

— Можно моргать.

Я зажмурилась так, что перед глазами появились разноцветные круги. Затем поспешно открыла глаза: еще решат, что я скрываю реакцию.

— Посмотри, — позвал мужчина другого.

Мама, что он увидел? Все плохо?!

— Какая активность! Изменения за месяц выше нормы.

— Да, вижу, — нараспев подтвердил напарник.

Дебильная интонация! Я не понимала их реакцию! Неужели, делая открытие, ученые просто вяло кричат: "Ура!"

— Что ж, очень хорошо.

— Да, хорошо.

Этим двоим явно не хватало актерского мастерства. Эй, вы на таблетках?!

— Зафиксировал.

В комнате вновь воцарилась тишина.

— Джордан, Ен, выйдите на пару минут, — сказала женщина и, взяв мой диск, вернулась за стол.

По ее лицу я сделала вывод, что она довольна.

Машину выключили, мы остались одни в кабинете.

Без гула кресло вдруг показалось еще тверже. Я слышала, как шуршит ткань, когда Милиса садилась за стол. Мужчины унесли с собой то спокойствие, которое давало их равнодушие. Пока они разговаривали о цифрах, я могла притворяться, что речь идет не обо мне. Теперь это было невозможно.

Женщина положила диск рядом с листом. Не вернула мне, не убрала в ящик. Просто оставила между нами. Я смотрела на него, как собака на кусок мяса, который хозяин никак не решается бросить.

— Руки можешь убрать с подлокотников, — сказала она.

Я убрала. На правой ладони остался след от стеклянного

края.

— Я прошла первый этап?

— Мы получили необходимые данные.

И что прикажете делать с таким ответом? Благодарить за данные? Взять их домой, вместо отсутствия предупреждения?

Милиса повернула к себе лист. Я попыталась прочесть его вверх ногами, но она еще ничего не написала. Я уже ненавидела эту бумагу. Получалось, ненависть у меня никуда не делась; просто сегодня ей достался очень маленький предмет.

— Скажи, ты всегда готовишься к разговору заранее?

— К аттестации? Да.

— Я не только об аттестации.

Я пожала плечами. Не рассказывать же ей, что иногда придумываю ответ человеку через два часа после того, как он ушел. В таких разговорах я была удивительно остроумной. Жаль, никто не присутствовал.

— Мне проще знать, что сказать.

— А если разговор идет иначе?

— Тогда получается вот это.

Я осторожно улыбнулась и тут же пожалела. Но Милиса тоже улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Мне показалось, я нашла щель, через которую можно протиснуться наружу.

— У тебя важный день, Хизер, — ее голос подозрительно смягчился, будто она хотела попросить в долг пару капель красоты. — Перейдем ко второму этапу. Я задам тебе

несколько вопросов, но на сей раз они будут немного другими.

Неужели она задаст их в другом порядке?.. Администрация не меняла вопросы. Их было очень много, но за тридцать шесть раз я попадала на один и тот же список аж четырежды. Я даже записала их все, чтобы дома как следует отработать ответы – для своей же безопасности.

— Ты — хозяин своей судьбы?

Вопрос действительно был не из списка. Я вдруг растерялась. Я не готова была отвечать прямо сейчас!

— Хизер?

— М-м... я не знаю.

— Подумай.

Ладно. Она давала время, значит, все не так плохо.

— Думаю, есть определенные рамки.

— Какие?

— Лес.

Все знали, что в лесу проходит граница. Чуть дальше там возвышается забор до самых макушек деревьев, и сделано это специально в незаметном месте, чтобы люди при виде ограды не чувствовали себя в клетке.

— Почему?

— Я не знаю, что за ним.

— Знаешь. Дальше находится другой город.

Хотелось не согласиться, ибо я его не видела своими глазами. Но этого делать не стоило, а то нарвусь на неприятно-

сти.

— Я имела в виду, интересно, насколько земля большая. Как далеко человек способен уйти.

— А ты хочешь уйти?

Спорный вопрос. Знать бы еще, куда. Где бы человек ни жил, он все равно остается там, где горит свет.

— Нет.

— Как ты относишься к рутине?

— Никак. В моей жизни ее не было.

— Чем ты занимаешься в свободное время? Ты общаешься только с двумя людьми, кроме членов своей семьи. Одноклассники до сих пор не вызывают интерес?

— С тремя.

— Кто третий?

Черт! Осечка! Я вспомнила Кори Джефферсона и уже возомнила, что мы общаемся!

— Сосед. Мы вместе ехали сегодня сюда. Мы не друзья... А насчет моих занятий... Думаю, вы знаете обо мне больше, чем я сама. И я уже не раз говорила.

Ну, все, теперь я точно нарвалась! Сейчас она решит, что я одна из психичек и отправит домой со вторым предупреждением. Может, если я незаметно переведу тему, она забудет мою дерзость?

— Так чем ты занимаешься? – спокойно повторила женщина.

Кажется, пронесло. Не надо бы ее злить...

— Мне нравится гулять. Люблю ветер, поэтому езжу на машине с открытыми окнами. Слушаю музыку из верхнего города. Иногда хожу в бассейн, рано утром, когда никого нет. Нравится перечитывать книги — с каждым разом понимаю что-нибудь новое, замечаю ранее не увиденные вещи. Несколько раз в неделю бегаю. Часто брожу по улицам, — это я уже повторялась.

— Кажется, тебе не по душе находиться дома...

И вдруг у меня появилась идея.

— Я не задумывалась об этом. Возможно, вы правы. И я, и мама часто уходим надолго.

Если аттестатор достаточно умна, она догадается из-за чего.

— Понятно. У тебя есть хобби, Хизер?

— Мое хобби — оценивать. — Зная, что последует предложение пояснить, я тут же продолжила: — Я постоянно оцениваю людей. Их темперамент. Общение с другими. Их цели и планы. Мне постоянно кажется, что люди могут быть искреннее. Я бы хотела довести до них некоторые вещи.

— Что тебя останавливает?

— Не суди других, не будешь осужденной. Кто я такая, чтобы давать советы? Один мой друг говорит: чтобы дать совет, нужно быть профессионалом в данной сфере; совет должен исходить из личного опыта. Сейчас я — лицо в толпе.

— Хизер, — подалась ко мне Милиса, — пора менять твою жизнь. В твоём Коде есть особая нота, которая меня

заинтересовала. Я хочу предложить тебе работу. Ты будешь под нашим крылом. В команде нашей Мамы. Что ты на это скажешь?

— А что за работа? — ошеломленно пролепетала я.

— Резидент Администрации. В его задачи входит поиск мошенников, распространителей наркотика, бегунов, других лиц, действующих против закона. Работа скрытного характера. Никто не должен знать о ней.

Я понятия не имела о подобной работе. Сразу вспомнились новости по радио об аресте группы, распространявшей наркотик среди школьников. Меня удивила искренность, с которой аттестатор обращалась ко мне, практически изгою. Оказывается, в Администрации водились тайны.

— А если я откажусь?

Это безумие — отказаться от работы в команде Мамы, тем более я уже давно мечтала помогать семье. Мне просто было интересно узнать, чем грозит отказ.

— Тогда прямо сейчас ты получишь еще два предупреждения и отправишься с семьей в нижний город. Навсегда.

Я даже не сразу поняла, что она ответила на мой вопрос. Настолько спокойно это прозвучало. Тем же голосом можно предложить выбрать папку для документов: голубую или серую, Хизер? Серая у нас только одна, и в ней поедет твоя мама.

— С семьей? — переспросила я.

— Ты меня услышала.

Я слышала слишком хорошо. Эмма собирает сумку. Складывает в нее свое платье с листьями, потом достает: не поместилось что-то более нужное. Отец злится, она молчит, а я стою в коридоре с рюкзаком и знаю, что все это началось с двух слов. «А если».

За окном кабинета не было видно ни улицы, ни людей. Узкое матовое стекло пропускало свет, но не давало мне посмотреть, где я нахожусь. До дома отсюда недалеко. И все же я никогда еще не чувствовала себя так далеко от мамы.

— Но проверка показала, что все хорошо, — сказала я.
— Вы сами...

— Хорошие показатели дают нам основание сделать тебе предложение. Окончательное решение еще не внесено.

Я посмотрела на пустой лист.

Вот зачем он ей был нужен.

В груди стало тесно. Я попробовала вдохнуть, не поднимая плеч. Вдруг по тому, как я дышу, она поймет, что я злюсь? А я злилась. На себя — за то, что спросила. На нее — за то, что ответила. На мужчин, которые могли хоть немного дольше возиться с машиной.

— Мне нужно знать, что делать, — произнесла я наконец.

Милица придвинулась ближе, словно именно эту фразу и ждала.

— Тебя научат. Мы не оставляем своих работников без подготовки.

Я думала о том, что буду помогать семье. Работа ведь бы-

ла настоящей. За нее платят. Возможно, в этом и состояла проверка: способен ли человек отказаться от своих капризов, когда от него зависит близкий? Я крепко ухватила за эту мысль. С ней можно было сидеть прямо, слушать дальнейшие указания и не выглядеть так, будто меня загнали в угол.

На нижний город я уже согласиться не могла. Там, за словами Милисы, стояла Эмма. Никакого собственного решения у меня для нее не нашлось.

Можно было догадаться.

— Ты ведь спрашиваешь просто из любопытства, Хизер, — Милиса сказала это утвердительно. — Не сомневаюсь, что ты готова приступить к своим обязанностям прямо сейчас.

Я неуверенно кивнула. Происходящее казалось мне неправдоподобным. Меня приглашали на ответственную должность. Я думала, даже если предупреждение снимут, оно все равно останется как штамп всю жизнь.

— Значит, рассказывать никому нельзя?

— О том, что ты резидент Администрации — нельзя. Всем говори, что работаешь секретарем. Звонки, письма и прочая рутинная работа.

— Поняла.

— Даже подруге? — спросила я после паузы.

— Особенно людям, с которыми ты близка. Им легче заметить то, чего ты не расскажешь прямо.

Мне стало неприятно оттого, как быстро Хлоя преврати-

лась в человека, способного что-то заметить. Еще десять минут назад я думала, что буду делиться с ней новостями, а теперь должна была следить за своим лицом рядом с ней. Аттестация, только без специального кресла.

— А маме можно знать, что я работаю?

— Конечно. Она будет гордиться. Работа секретаря достойна уважения.

— И по вечерам?

— У Администрации нет свободных часов, Хизер. Ты прекрасно это знаешь.

Я знала только, что обычные секретари возвращаются домой раньше полуночи. Но задавать еще один вопрос не стала. На сегодня у меня закончился запас семей, которые можно было случайно сослать.

Милиса вынула из ящика карточку с номером. На обороте было написано время: двадцать три ноль-ноль. Она провела ногтем под цифрами, чтобы я запомнила.

— Не опаздывай. Парадный вход. Тебя встретят.

— Мне что-нибудь принести?

— Себя. Остальное тебе предоставят.

Я сунула карточку в карман. На миг представила, что потеряла ее и пришла не туда. Воображение очень старалось испортить мне новый день.

— И еще, — продолжила Милиса. — Впечатления от сегодняшнего разговора тоже относятся к работе.

Я подняла на нее глаза.

— Ты можешь сказать, что тебе предложили место. Подробности обсуждать не следует.

Значит, мама не узнает и о предупреждениях. Я буду рассказывать, как меня заметили, пока она смотрит на меня с гордостью. Хорошая история. В ней не было только того момента, когда я перестала понимать, могу ли сказать «нет».

Милица вернула мне диск. Я взяла его сразу двумя руками.

— Предыдущее предупреждение аннулировано, — сказала она.

Я так долго ждала именно этих слов, что теперь не сумела обрадоваться вовремя. Сначала просто посмотрела на диск, будто там должны были появиться другие буквы. Потом почувствовала, как отпускает горло.

Сняли. Все-таки сняли.

Я хотела запомнить это чувство отдельно от остального. Оставить себе хотя бы его.

— Придешь сюда сегодня, в одиннадцать вечера, и тебя введут в курс дела. Только сначала с тобой поработают, наведут красоту, — она обрисовала пальцем мою фигуру, и я ощутила себя грязной тряпкой. — Так... Что еще мы не обсудили?... А! Тебе недавно исполнилось шестнадцать. А значит, как и каждый совершеннолетний, ты можешь получить в подарок от Администрации транспорт. Подожди меня на ресепшене.

Хлоя встретила меня настороженно — по моему лицу яв-

но было видно: что-то случилось. И действительно, от этого дня я ожидала куда меньше, чем получила. Жаль, что нельзя было рассказать подруге о том, кто я теперь. Причем у нее не возникло бы чувства зависти, Хлоя другой человек. От этого еще сложнее будет хранить все в секрете от нее.

Да, меня распирали эмоции, хотя внешне я вела себя очень сдержанно. Мне хотелось вопить от счастья, но, подойдя к подруге, я вспомнила, что затеяла опасную игру, когда чуть ли не подставила отца. Часто, совершая те или иные поступки, я задумывалась, хорошие ли они. Справедливо ли сдать Валерия с потрохами, учитывая, сколько зла он совершил? Все преступления оправдываются благими намерениями. К счастью, сейчас я чувствовала силу, которой раньше не обладала. Сегодня аннулировали мое предупреждение, дали работу, личный транспорт. Теперь не обязательно брать нашу машину и лишать родителей возможности съездить в город.

Сегодня я могу сделать еще кое-что и во мне загорается лицемерие. Кажется так себя чувствуешь, когда готовятся свершить "правосудие" исходя из личных побуждений.

— Хлоя, когда придет отец, я хочу, чтобы ты направила его в четвертый кабинет.

Подруга недоверчиво стреляла глазами.

— Все нормально, Хиз?

— Да. Предупреждение сняли.

— Отлично! Надеюсь, теперь ты будешь осмотрительнее?

— Я тоже на это надеюсь.

— Как насчет того, чтобы прогуляться в лес вечером?

— Согласна. Заходи за мной в восемь, ладно? Возможно, сегодня, когда я вернусь из школы, наш дом немного опустеет...

Хлоя удивленно посмотрела на меня, но промолчала. Тут зазвонил телефон, и она начала кому-то что-то объяснять. Я вновь принялась смотреть видеоролики.

На экране девушка бежала по лестнице тюрьмы, легко перескакивая через ступени. Мои глаза следили за ней, а мысли оставались возле телефона Хлои. Когда отец придет, она скажет: четвертый кабинет. Самые обычные слова. По ним он пройдет туда, где только что сидела я.

А если бы я ничего не сказала? Может, его направили бы в другой кабинет. Может, результат был бы таким же. Неужели мне хотелось, чтобы он попал именно к Миlise, потому что она уже знала, как мы живем?

Хлоя закрыла ладонью трубку и наклонилась ко мне.

— У тебя точно все нормально?

— Устроилась на работу.

Мне следовало сказать это чуть менее торжественно. Но фраза сама вырвалась наружу, и я мгновенно захотела еще раз ее произнести. Работа. Моя.

— Куда?

— Сюда. Секретарем.

— Сюда? — Хлоя широко открыла глаза. — Ты будешь

сидеть со мной?

— Еще не знаю.

— Только не забирай мое место. Я к этому стулу привыкла.

Она толкнула меня локтем, и я засмеялась. На секунду все стало простым: две подруги, одна работает, другая тоже скоро будет работать. Можно спорить из-за стула. Можно вместе обедать.

— А что делать надо? — спросила Хлоя.

— Звонки. Письма. Обычное.

Первую ложь оказалось нетрудно произнести. Милиса даже приготовила для меня слова. Я смотрела на лицо подруги и старалась убедить себя, что скрываю только должность. Не ее дело знать подробности. Не всем же нужны чужие подробности. Например, я никогда не спрашивала, кто звонит ей каждые пять минут.

— Тогда поздравляю, — сказала Хлоя. — Только улыбайся, когда отвечаешь. Люди слышат.

— Милиса тоже?

— Все слышат.

Из трубки возмущенно донеслось чье-то «Алло», и Хлоя вернулась к работе. Я осталась смотреть на экран. Улыбка задержалась на моем лице и начала болеть.

— Хизер? — раздалось за моей спиной.

Я обернулась. Милиса стояла у входа в коридор, ведущий в другую часть здания.

— Я жду тебя.

— Бери «шевроле», — оторвавшись от телефона, тихонько посоветовала подруга.

Мы продвигались вглубь аттестационного центра, проходя мимо все новых и новых кабинетов, оставляя позади безмолвное дыхание белых стен, которых я никогда не видела. Раньше я доходила только до сорок пятого кабинета, а сколько еще их здесь, на всех этажах. Очередной коридор упирался в большие ворота с калиткой. Милиса открыла ее, и я вслед за ней оказалась в большом помещении с расставленными в ряд разнообразными автомобилями. Каждый из них выглядел великолепно в ярком свете прожекторов. Вообще, наш город просто кишел модными машинами. Совершеннолетние, получив личное средство передвижения, выделялись, как только могли, чтобы показать, чье авто лучше. Да еще и ночные гонки устраивали. Я могла выбрать любой из этих автомобилей, но мой взгляд скользнул дальше, к стене. Там стояло именно то, что меня устраивало. Хотя вряд ли порадует маму.

Я осмотрела весь зал еще раз, пытаясь найти что-то еще, но, похоже, уже решила.

У одной машины дверца была открыта. Я заглянула внутрь: мягкое сиденье, гладкая панель, ничего лишнего. В такой легко представить себя человеком, у которого все получается. Даже если ты просто стоишь на парковке.

— У этой хороший запас хода, — сказала Милиса. — И

достаточно места для семьи.

Семья. Я сразу увидела отца на переднем сиденье. Он откинулся назад, занял весь подлокотник и спрашивал, почему мы так медленно едем. Я потянула дверь за край и закрыла.

— А документы оформляют здесь?

— Да. Ты не обязана выбрать сейчас. Можно прийти позже.

Она дала мне возможность уйти. Действительно дала, без всяких угроз. После разговора в кабинете такая мелочь казалась почти невероятной. Я могла выйти из гаража и вернуться завтра. Правда, завтра я снова бы весь день думала о мотоцикле.

Он стоял не совсем у стены, отдельно от длинного ряда автомобилей. Я увидела в металле растянутое отражение своих ног. Подошла ближе и наклонилась, чтобы рассмотреть приборы.

— Ты проходила обучение? — спросила Милиса.

— Да. В карточке есть отметка.

— Отметка не избавляет от ответственности на дороге.

— Я знаю.

— Сейчас тебе кажется, что знаешь.

Я готова была согласиться с ней во всем, кроме машины. Так и сказала бы: прекрасные слова, обязательно учту, а ключ дайте от этого.

Возле руля висела бирка. На ней вместо красивого названия был номер, такой длинный, будто транспорт собирался

жить дольше всех нас. Я потрогала край бирки. Раньше я лишь несколько раз брала учебный мотоцикл и потом возвращала его, с трудом разжимая пальцы. Собственного у меня не было. Ничего настолько большого, собственного и способного унести меня за пределы знакомого квартала.

— Вот! – шагнув вперед, я показала на мотоцикл.

Милисa в изумлении подняла аккуратно выщипанные брови, собираясь возразить, но я даже слушать ее не желала.

— Ты уверена?

Я кивнула прежде, чем она закончила вопрос.

— Тогда садись. Проверим, удобно ли тебе.

Вот тут выяснилось, что чувство полета начинается с довольно неуклюжей попытки перекинуть ногу через сиденье. Я зацепилась рюкзаком за локоть и чуть не потеряла равновесие. Милисa придерживала руль. Не улыбнулась, за что я была ей благодарна больше, чем за транспорт.

Носки моих ботинок коснулись пола. Я выпрямила спину, положила ладони на рукоятки. Они были прохладными. В голову пришла ужасно глупая мысль: а вдруг именно сейчас я впервые выгляжу взрослой?

— Не урони его, — предупредила Милисa.

Мне хотелось ответить: «Не уроню». Но я пока даже не могла спокойно стоять на месте. Пришлось просто кивнуть.

Из боковой двери вышел сотрудник с планшетом. Он проверил отметку об обучении, попросил меня слезть, затем показал, где отключается питание и как закреплять мотоцикл

на стоянке. Я слушала внимательнее, чем отвечала аттестатору. У этой проверки было большое преимущество: если не знаешь, можно спросить.

Шлем оказался светлым, почти серебряным. Я положила его рядом с рюкзаком, чтобы подписать выдачу. Мне показали строку с моим именем. Ни пометки о предупреждении, ни слова «потенциальный». Просто Хизер Ривера.

Я провела пальцем под буквами.

— Здесь? — спросила я.

— Да.

Подпись вышла более размашистой, чем обычно. Наверное, моя рука тоже хотела получить собственный транспорт.

Милица забрала карточку выдачи и повторила:

— Сегодня в одиннадцать.

Я подняла глаза. Мотоцикл, шлем, ключи — все это на минуту заставило меня забыть о ночном возвращении. А она не забывала.

— Приду.

— И будь аккуратна. Нам нужны сотрудники, которые добираются до работы целыми.

Сотрудник открыл наружные ворота. За ними лежал обычный утренний город, с автобусом на перекрестке и женщиной, которая тянула ребенка за руку. Я толкнула мотоцикл к свету. Неужели они тоже видели, что у меня началась новая жизнь?

Ветер! Как я его любила! Он яростно бил в лицо, застав-

для глаза слезиться, но я намертво вцепилась в руль моего мощного мотоцикла. Я каталась на подобном лишь пару раз, когда брала уроки вождения. Наверное, уже тогда я решила, что автомобиль – это не для меня. Порывы ветра растрепали прическу, а когда он сорвал резинку, волосы высвободились, и я ощутила себя, как в полете — птицей. Казалось, я могу поднять руки и взлететь. Над дорогой, над городом, над миром.

Я кричала во все горло, хотя ликование моей души было не перекричать.

По правилам, в день аттестации можно пропустить уроки, но сегодня был особенный случай, и я хотела им воспользоваться. Не терпелось довести до всех, что на Хизер Ривере больше нет клейма.

По дороге я заехала домой и, жуя бутерброд, наскоро оповестила родителей о том, что прошла аттестацию и отправляюсь в школу.

Эмма сначала не поняла. Она как раз открывала шкафчик и так и застыла с ручкой в пальцах.

— Сняли? — спросила она.

— Да, мам. Совсем.

Она подошла ко мне и обняла так крепко, что я чуть не уронила бутерброд. Пришлось поднять его над ее плечом. За три года я не придумала более достойного способа встретить эту минуту.

— Я знала, — сказала она мне в волосы. — Знала, что все

получится.

Отец сидел в гостиной. Я слышала телевизор, но не слышала его голоса. Мне хотелось, чтобы он что-нибудь сказал. «Молодец» подошло бы. Даже «Хоть это» устроило бы меня, если произнести не слишком сердито.

— И работу предложили, — добавила я.

Мама отстранилась.

— Какую?

— Секретарем. В центре.

Она посмотрела в сторону гостиной. Так быстро, что я могла бы не заметить, если бы сама не ждала оттуда звука.

— Вот как.

Это было слишком тихое «вот как». Я готовилась к радости и не знала, что делать с ее осторожностью.

— Нормальная работа, мам. Звонки и все такое. Хлоя же работает.

— Я не говорю, что ненормальная.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Потому что мне нужно привыкнуть. Утром ты боялась идти туда, а сейчас будешь там работать.

Мне самой еще предстояло привыкнуть. Но я не хотела, чтобы мама видела это. Подхватила рюкзак, поцеловала ее в щеку и сказала, что вечером расскажу. Не вечером: ночью. Или завтра. Точное время я оставила при себе.

Из гостиной наконец раздалось:

— Уже уходишь?

— В школу, — ответила я.

Валерий появился в дверном проеме. Он посмотрел на меня, на рюкзак, опять на меня. Мне почудилось, он хочет о чем-то спросить, но не при маме. Я уже повернулась к двери.

— Не забудь, что дома тоже люди есть, — сказал он.

Я решила, что это очередной упрек. Очень удобное решение: с ним можно было уйти и не оглянуться.

Ох, как я радовалась. Все налаживалось. Всегда верила в лучшее.

Окрыленная, я села на мотоцикл, специально оставленный за квартал от дома, и помчалась, на этот раз в шлеме, на учебу. Мама и папа не оценят столь глупого поступка, как выбор мотоцикла, а не автомобиля. Так что оставляю злостную критику на потом.

Мой мотоцикл был просто чудом. Колеса широкие, черные, сиденье серебристое, обтекаемое, а передняя часть вместе с рулем — позолоченная.

До школы я ехала на второй скорости, но как только увидела красное кирпичное здание, прибавила ход. Сегодня — мой день.

Лица школьников были одновременно потрясены и взбодражены. Я видела возбуждение на их физиономиях.

Когда я слезла с мотоцикла, ко мне подошли несколько девчонок с их парнями из школьной футбольной команды. Саманта, главная сплетница и указательный палец своего круга подкаблучников, посматривала на мой мотоцикл с на-

смешкой. Куда мне до ее «мустанга».

— Вижу, ты обзавелась парой колес.

— Прости, Сэмми, не увлекаюсь таблетками.

Саманту больше всего бесило, когда ее называли мужским именем, а я ее только так и называла. Ну, нравилось мне издеваться над ней! Кто-то же должен усмирять ее безосновательные высокомерные наклонности.

Я чувствовала себя на высоте, и это позволило мне войти в двери школы с поднятой головой и легкой язвительной улыбкой. Коридоры на перемене были заполнены учениками, они ходили, доставали из ящиков учебники, переговаривались и выглядели вполне счастливыми. Я была рада за них, рада, что разочарование, через которое они проходят, не отображается на их лицах. Как они похожи друг на друга! Я будто живу в мире зеркал. Когда-то меня отличало от них лишь имя. Сейчас пришлось бы использовать пальцы обеих рук, чтобы перечислить все, чем я отличалась от учеников-штамповок.

Сейчас будет второй урок – литература. Кабинет находился рядом, но мне не хотелось останавливаться, тянуло идти все той же уверенной походкой, виляя бедрами, наслаждаясь тяжестью подпрыгивающих локонов. Я ощущала себя красивой. Это, конечно, было заблуждением, но радовало хотя бы то, что я теперь не просто лицо в толпе, а "другое" лицо в толпе — выделяющееся.

Кори Джефферсона я увидела у крана с питьевой водой.

Он сделал несколько больших глотков и вытер губы. Какой же он был привлекательный! Движения самые обычные, а казалось, что Кори позирует для фотоснимка. Невозможно было не заметить пустоту вокруг новичка. Я направилась напрямиком к нему. Наверняка многие провожали меня взглядами. Они считали меня высокомерной, пусть к этим пунктам добавится еще один — я общаюсь с плохим парнем.

С каждым шагом к нему моя уверенность убавлялась. Стоило бы подумать, с чем связано его одиночество. А вдруг он последовал моему совету держаться скромнее, и на самом деле, одиночество — как раз то, что ему необходимо среди безликих фигур?

Я остановилась и развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Хиз!

Черт!

Сейчас обернусь и сделаю вид, что в первый раз его вижу.

— Ты что, не заметила меня?

— Да куда уж.

Он нахмурил брови, явно посчитав ответ за здешний жаргон.

— Как аттестация?

— Скажем так: теперь я за тобой слежу в оба глаза.

Надеюсь, Кори плохо читает между строк, иначе в ближайшее время Хизер Ривера может угодить в тюрьму.

— Хм, мы действительно часто будем видеться: дома ря-

дом, учимся в одной школе.

— Классы разные. И это хорошо, а то бы я точно не стерпела твоего занудства.

Он ухмыльнулся, состроив гримасу небожителя, к которому всегда относились с почтением, а сейчас вынуждают обитать среди простых смертных.

— Как с твоей язвительностью ты остаешься красивой, а?

Перед тем, как покраснеть, я опустила голову и стала рыться в рюкзаке, словно он тот еще лабиринт, в котором не найти срочно понадобившуюся вещь. И собиралась в нем копаться до тех пор, пока краска не сойдет с моего лица. Наконец, в одном из карманов, в который я залезла уже раз десять, наткнулась на чупа-чупс! Вот он-то и спасет меня. Пока сниму обертку...

Звонок на урок обрадовал меня, но и огорчил.

Кори опустил глаза к моим рукам.

— У тебя фантик остался.

Я смотрела на него секунды две, прежде чем поняла: леденец уже во рту, а бумажку я все еще сжимаю, словно это документ об аннулировании предупреждения.

— Коллекционирую, — сказала я.

— Необычное хобби.

— Ты еще не все обо мне знаешь.

— Хорошо бы узнать.

Он сказал это совершенно просто. Без ухмылки. Пришлось вновь заняться рюкзаком.

За его плечом появились двое мальчишек. Один задержал на Кори взгляд, затем посмотрел на меня и дернул приятеля за рукав. Они пошли дальше. Я ждала, что Кори проводит их глазами. Он продолжал смотреть на мой фантик.

— Чего тебе не дали спокойно попить? — спросила я.

— Дали. Я попил.

— Я не об этом.

— Тогда не знаю.

Конечно, знал. Я видела, как пустота вокруг него двигалась вместе с людьми: одни отходили, другие выбирали путь чуть в стороне. Никто не хотел оказаться рядом случайно. А я пришла сама.

— Ну, теперь тебе есть с кем здороваться, — сказала я.

— Так мы будем здороваться?

— Не злоупотребляй.

Он засмеялся. Я почувствовала себя не такой уж глупой и выкинула фантик в урну. К сожалению, вместе с ним пришлось выкинуть и единственный повод больше не смотреть на Кори.

Мы успели пообщаться всего минуту, и этого времени хватило, чтобы Кори успел меня смутить. Пора контролировать эмоции, иначе опущенная голова при общении с ним непременно приведет к искривлению позвоночника, да и частое копание в сумке рано или поздно заставит парня задуматься о моем психологическом состоянии.

Хотелось бы встретиться с ним снова, но чтобы поймать

его сразу после звонка, нужно провести разведку – узнать, в каком кабинете он сейчас будет. А вдруг я не успею его перехватить? Всю перемену пробегаю по коридорам, как больная. Люди подумают, что я не могу найти себе места или вообще подзарядилась наркотиком.

— Хизер, давай встретимся на следующей перемене и посидим за школой.

«Конечно!» – мысленно воскликнула я.

А вслух сказала:

— Я вроде хотела решить пару дел, но ладно.

Урок тянулся неимоверно долго. Как макаронина — всасываешь, всасываешь, а она все не кончается. Сегодня учитель посвятил все сорок пять минут поэту со странным именем Омар Хайям. Некоторые строки из его стихов меня зацепили и заставили задуматься. Надо будет зайти в библиотеку и взять его книги.

Учитель написал на доске слово «толкование», подчеркнул его и попросил нас объяснить, почему один текст можно понять по-разному. Половина класса сразу занялась записями. Значит, сейчас следовало списать определение, а позже воспроизвести его без лишних размышлений. Я открыла тетрадь.

— Автор не может управлять каждым читателем, — сказал учитель. — Он выбирает слова, а читатель приносит свой опыт.

Мне вдруг вспомнилось слово «семья», произнесенное

Милисой. Она принесла его в разговор, а я увидела мамину сумку. Возможно, автор все-таки способен управлять читателем, если заранее знает, где у того самое больное место.

— Хизер, — позвал учитель. — Ты хотела что-то сказать? Оказалось, я подняла голову слишком заметно.

— Нет.

— Тогда прочитай следующее четверостишие.

Я встала, сдвинула тетрадь, нашла нужную страницу. Прочитала ровно, стараясь не проглотить окончания. На одной строчке голос стал чуть тише. Там говорилось о том, как быстро проходит отпущенное человеку время. Сейчас мое время делилось на отрезки: до перемены, до восьми, до одиннадцати. Будущее получилось довольно коротким.

— О чем эти строки? — спросил учитель.

— О том, что надо жить, пока есть возможность.

Кто-то сзади фыркнул. Наверное, я выразилась недостаточно возвышенно. Следовало сказать: о ценности отведенного срока. Удивительно, сколько слов можно потратить, чтобы не произнести простое «жить».

— Разверни мысль.

Я посмотрела на открытый учебник.

— Человек не знает заранее, сколько у него времени. Поэтому все время откладывать тоже... не очень правильно.

— Садись. Мы к этому еще вернемся.

Я села и написала на полях имя поэта. Только имя, без всяких рассуждений. Пусть тетрадь знает обо мне не больше,

чем нужно.

В окне отражались три ряда парт. Мое лицо терялось среди других. Я чуть повернула голову — и вот уже нашла его. Все осталось прежним. Как объяснить им, что сегодня я изменилась, если даже стекло показывало то же самое?

Как я ни старалась, но забыть о новичке не получалось.

Удивительно, как человек западает в душу, потрепав тебе нервы всего пятнадцать минут. Почему он зацепил меня, человека, который ко всему относится со скептицизмом?

Дело было отнюдь не в его красоте. Не в кудрявой шевелюре. Не в губах. Не в словах. То есть не только в этом. Может, в харизме? Кори обычный болтун, но то, как он преподносил себя, сбивало дыхание. Рядом с ним я чувствовала себя серой окрыленной мышью. Или все дело было именно в красоте? Он действительно особенный, и я хочу послушать бред, который он несет? Надеюсь, он выведет меня из равновесия на перемене, чтобы я имела возможность на него накричать! С другой стороны, его рассказы помогут найти таких же идиотов. По сути, Кори подходил под кандидата на вылет из города. Прямиком к нищим.

Пора было подумать о другом. О сегодняшнем вечере. Он был важен, и не меньше, чем утренняя аттестация. Какие-то люди будут оценивающе смотреть на меня, задавать вопросы, намереваясь обнаружить изъяны. И хоть Милиса умолчала, наверняка разговор с ней был первым испытанием. Кто знает, из чего складывается доверие к работникам с ответ-

ственностью выше обычной. Я никогда не сталкивалась с подобными людьми. И это точно! С полной уверенностью можно было предположить, что резиденты — красивые люди. Они харизматичны и очень отличаются от штамповок. Теперь каждый раз, встречая человека с необычной внешностью, буду думать, что из меня пытается выкачать информацию резидент Администрации.

Хм, сегодня у Валерия тяжелый день. Увижу ли я его еще? Пожалуй, отец слишком долго оттягивал свою ссылку. По непонятным мне причинам, он до сих пор жил преспокойно в нашей семье, хотя, по идее, должен был вылететь из города еще до того, как я родилась. Моя мама говорила, что Валерий не всегда был таким агрессивным, пил гораздо реже, и делал ее счастливой, как никто другой. Отец... Я с трудом могла представить на его месте другого человека. Мне вспомнилась сегодняшняя ночь. Кем бы я стала, пролив кровь отца, даже ради самообороны? Если вспоминать все хорошее, что Валерий сделал для меня, то перечислять долго не пришлось бы. Пожалуй, была только одна вещь, которая однажды спасла мне жизнь.

Это случилось два года назад. Я задержалась в школе, на занятии в кружке, который мы все дружно называли "скучное кино". Возвращалась домой вечером и не заметила парня, который преследовал меня. Он напал сзади, схватил рюкзак, но я как-то выкрутилась, и рюкзак упал. Парень хотел толкнуть меня, но вместо этого я сломала ему кисти рук.

Этому жестокому приему меня научил Валерий. Мы тренировались каждый день, пока я не отработала его до идеала.

Сначала я отказывалась. Не потому, что была против жестокости: я боялась сделать отцу больно, а он сердился, когда я двигалась слишком медленно. Он протягивал руку и требовал, чтобы я перестала смотреть на нее как на чужую вещь. Я училась освобождаться, делала шаг назад, снова возвращалась. После занятий на предплечьях оставались красные полосы.

Одно из таких занятий неожиданно закончилось хорошо. Я вывернулась, отступила и не споткнулась. Отец отпустил меня сразу. Не пошутил о моей неуклюжести, не сказал, что в настоящей опасности я бы уже лежала на земле. Просто кивнул.

— Вот теперь похоже.

Мне было четырнадцать. Я помнила эти слова целую неделю. Возможно, дольше. Неприятно признавать, сколько может дать тебе человек, если обычно не дает ничего.

После нападения я сидела дома возле раковины и никак не могла перестать мыть руки. Крови на них не было. Нападавший кричал, а я убежала, подобрала по пути рюкзак и даже не проверила, застегнут ли он. Дома рассказывала все кусками. Эмма пыталась понять, где это произошло. Отец спросил только, удалось ли освободиться.

Я сказала: да.

Он впервые за долгое время посмотрел на меня так, будто

я справилась с чем-то важным. А потом попросил больше не возвращаться одной в темноте. Ничего необычного. Обычная фраза любого отца. Но из-за того, что ее произнес Валерий, я помнила каждое слово.

Теперь я пыталась поставить тот взгляд рядом с тем, которым он смотрел на меня ночью. Не получалось. Будто это были два разных человека, и оба считались моим отцом.

Ни один из них не давал мне ответа, что делать сегодня.

Отец сказал, что преступник не сможет причинить вреда со сломанными руками.

Должна ли я жалеть человека, который помог мне защититься? Друг Дин говорит, что мы с мамой сделали для Валерия все. Наше терпение позволяло ему жить в теплом доме, Эмма кормила его, работая за двоих.

"Не думай об этом», — сказала я себе.

Сегодня вечером я была обязана впечатлить работников Администрации, тогда в семье будет больше денег, а значит, тепло станет еще теплее, а еда вкуснее. Одно "но" — аттестатор хотела показать меня красивой. Как это сделать, если я не подходила под столь громко вопиющий статус?

Я повернулась назад, чтобы посмотреть на часы: осталось чуть-чуть.

Под конец урока, после долгих раздумий о словах Кори в машине, я решила сблизиться с ним, ибо он обязательно найдет людей, которые интересуются вопросами истории и желают изменить существующую систему управления. Внед-

рение в его круг поможет получить крупный улов. И оставалось загадкой, станет ли мой новый сосед одним из тех, кого мне придется сдать под охрану.

Когда я увидела Кори, ожидавшего меня в коридоре, в голову закрались грустные мысли. Лицо его было абсолютно невинным, он словно находился в собственном идеальном мире, где люди красивее, а небо всегда голубое. Такая утопия — и мой мир тоже. Я бы хотела в нем жить.

Неужели я упеку Кори в тюрьму? Да, его желания были весьма неоднозначными и сомнительными, но, тем не менее, они не уродовали его. Ведь в нашем мире правильно то, что делает нас красивыми.

Джефферсонов сослали в наш край за то, что Кори задавал вопросы. Все знали, что за вопросы людей наказывают. Мы не имели права тратить время аттестаторов. Однако за что все же наказали Кори: за вопросы или за стремление к переменам?

— Идем коротким путем, — предложила я, толкнув парня плечом.

Мы прошли через спортивный зал, где я появлялась очень редко. У меня было что-то вроде освобождения от уроков физкультуры, так как я посещала бассейн. Он помогал поддерживать спортивную форму, успокаивал и придавал энергию. Ну, и бегала по вечерам.

Потолок в зале был высокий, поэтому команда поддержки всегда устраивала шоу именно тут. Черлидерш высоко под-

брасывали, но до потолка они не долетали.

Дух соревнований просыпается в любом человеке, когда дело заходит о награде. А в нашем городе получить приз — значит, прославиться на несколько месяцев. Здешние жители ценили победы. Они пытались выделяться заслугами, если не могли измениться внешне.

У меня тоже была награда, я присудила ее себе сама: «Награждается Хизер Ривера за наилучшее игнорирование школьных соревнований на протяжении девяти лет».

— Как прошел первый урок в городе для людей со средними целями? — спросила я.

— Тебя задели мои слова. Мне жаль.

— Ой, не обращай внимания. Мне просто нравится тебя доставать.

Мы вышли из зала через заднюю дверь, ведущую на школьный стадион.

Дверь хлопнула слишком громко. Кори поймал ее рукой и придержал, пока я спускалась по двум ступенькам. Я собиралась сказать, что вполне способна выйти сама, но не сказала. Было приятно, когда дверь не пытается ударить тебя по плечу.

На краю поля валялся мяч. Я подтолкнула его носком, и он откатился к линии. Кори пошел рядом. Мы почти не касались друг друга, зато я хорошо слышала его шаги. В коридоре их заглушали остальные.

— Тебе куда-нибудь надо? — спросил он.

— На следующий урок. Как всем людям, которые делают вид, что пришли учиться.

— Значит, пока никуда.

— Ты быстро осваиваешься.

Я выбрала трибуну ближе к выходу. Не из осторожности, просто там была скамья без облупившейся краски. Кори провел ладонью по соседнему месту, стряхнул крошки и сел. Он тоже умел выбирать обычные вещи: сухое сиденье, тень для сумки. Мне почему-то стало легче рядом с ним.

До сих пор я не знала, о чем говорить, если перестану его дразнить. Нельзя ведь все время обсуждать город и Администрацию. Опасно. И немного скучно, когда каждое второе слово заставляет тебя проверять, кто стоит за спиной.

— Ты действительно хочешь работать аттестатором? — спросила я.

— Я хотел бы понимать, как это устроено.

— Звучит почти так же.

— Не совсем.

Он повернул лицо к солнцу. Я ждала продолжения. Кори не продолжил. Значит, даже у болтунов бывают мысли, которые они оставляют при себе.

Мне захотелось сказать, что меня уже приняли на работу. Он наверняка удивится. Может, перестанет обращаться со мной как с девочкой, которая знает только дорогу в школу. Я придержала это желание. Если произнести сейчас, можно нечаянно добавить слишком много.

— На твоём месте я сначала освоила бы нашу питьевую воду, — сказала я. — Остальные приборы потом.

— Уже освоил. Осталось найти, где тут дают поесть. Это был наконец-то хороший вопрос.

Днем потеплело, солнце расслабляло, и на нагретой скамье было приятно сидеть.

— В общем-то, — начал Кори, — все ужаснее, чем я ожидал.

Солнце било мне в глаза, я щурилась, но смотрела на парня. Только так можно было понять, говорит ли он с подвохом.

— Мне не нравится у вас.

От чего-то было обидно слышать такое о своем городке. Он был родным для меня, и пусть мне не нравились окружающие, я чувствовала себя тут вполне уютно.

— Сомневаюсь, что смогу вернуться домой даже через много лет, — продолжал Кори. — Администрация непреклонна перед такими, как я. И что самое ужасное, я ничего не могу с этим поделать. Родители притворяются, что не злятся, но я-то вижу их лица, глаза. Они говорят, что не могут представить место хуже этого.

Я осмотрелась. Футбольное поле, деревья, небо. Я всегда считала свой дом нормальным — неужели тут настолько плохо?

— А ты сам что думаешь?

— Тут мой список дел не приживется. Устрою ему риту-

альное сожжение.

— Ты всегда все записываешь?

— Иначе забуду.

— Можно забыть и записанное. У меня это прекрасно получается с домашним заданием.

Кори вытащил из кармана сложенный лист, но не развернул. Я узнала ту бумагу, которую видела утром. Ее край уже потерялся от пальцев.

— Там много? — спросила я.

— Хватит.

— На всю жизнь?

— На ту, которая есть сейчас.

Мне понравился ответ, хотя я не стала это показывать. В моем собственном списке на сегодня уже появилось столько дел, что лист пришлось бы сложить гармошкой. Но там почти не было того, что я выбрала сама. Мотоцикл. Посидеть с Кори. И, если повезет, вечером выбраться в лес.

— А если что-то невозможно?

— Можно вычеркнуть. Или оставить.

— Очень полезный список. Разрешает все.

— Он же мой.

Кори посмотрел на меня. Не нахально, не с желанием выиграть спор. Просто ждал, пойму ли я.

Я отвела взгляд на поле. Вдоль дорожки тянулись белые линии. Их недавно обновили, и на траве осталось несколько пятен краски. На соревнованиях все будут бежать по сво-

им полосам. Кори, конечно, захочет спросить, кто нарисовал линии. А я скажу, что иначе они столкнутся.

— Ритуальное сожжение — плохая идея, — произнесла я. — Дым привлечет охрану.

Он убрал лист и усмехнулся.

— Тогда оставлю.

Мне вдруг стало интересно, есть ли в его списке что-нибудь совсем простое. Найти место, где не задают вопросов. Купить новые ботинки. Познакомиться с соседкой, которая перестанет огрызаться. Но я не спросила. Некоторые ответы могли слишком много испортить.

— Что можно сделать у вас, чего нельзя здесь?

— Влюбиться.

— Ха, влюбиться он захотел! Люди играют в любовь.

— Ты просто не видела искренней любви, Хиз. А я видел. Любовь делает из человека безумца, страстного защитника и идеальное создание. Любовь запускает Код Совершенства на всю мощь. Поверь, все любящие люди, которых я видел, обладали безупречной красотой. Однажды я стал подходить на улице к каждому красивому человеку с вопросом: любит ли он кого-то? И мне отвечали: "Да". Некоторые принимались описывать, насколько их любовь потрясающая, особенная. Они говорили о жертвенности.

— Ты доверчивый. Однажды это выйдет тебе боком. Возможно, благодаря мне.

— Тут — точно.

— А ты сам кого-нибудь любил? — спросила я.

Кори посмотрел на меня, и я сразу захотела забрать вопрос обратно. Он ведь мог рассказать про девушку. Красивую, конечно. Еще и умную, умеющую говорить нормальным голосом, не пряча голову в сумку.

— Я говорил не только об этом, — ответил он. — Родителей тоже любят.

Я уцепилась за эту возможность.

— То есть ты спрашивал у людей, любят ли они своих родителей, и удивлялся, когда они отвечали «да»?

— Я спрашивал, есть ли у них человек, без которого жизнь стала бы другой.

— Без продавца хлеба она тоже станет другой.

— Ты всегда так отвечаешь, когда не хочешь говорить серьезно?

— Нет. Иногда я просто ухожу.

Он не засмеялся, и мне стало неловко. Я повернула к нему голову.

— Мне мама нужна, — сказала я. — Вот. У тебя есть ответ.

— Я не спрашивал.

— Но собирался.

— Нет.

Мы помолчали. Я слышала, как за оградой кто-то заводит машину. Далеко, на другой стороне поля, мальчик поднял забытый мяч и понес его к зданию. Ничего особенного

не происходило. От этого разговор казался еще более странным: никто не мешал мне слушать.

— Если человеку хорошо с тобой, — продолжил Кори, — он не обязательно умеет это показать. Иногда ему нужно время.

Я посмотрела на его пальцы. Они держали ремень сумки. На одном суставе белела маленькая царапина. Было легче рассматривать ее, чем спрашивать, кого он имеет в виду.

— И сколько времени?

— Не знаю.

— Удобно. Можно ждать вечно.

— Не вечно. Пока сам хочешь.

Я фыркнула, но ответ остался со мной. Пока хочешь. Очень красиво звучит, когда ничего не надо решать.

— Слушай, а как вы добрались до города?

Было несколько способов к нам попасть. На поезде — самый лучший вариант, чтобы привлечь толпу. Местные жители находились в постоянном ожидании чего-то нового, и уж приезжие из верхнего — отличный повод встретить новинку подобающим образом. Теперь понятно, почему Джефферсоны приехали посреди ночи. Чтобы люди не смотрели на них, как на зверей в цирке.

Второй способ — на самолете. Обычно воздушным транспортом перемещались только представители власти и охрана города. Пассажиры из первого класса на экскурсию к нам не заглядывали.

Мне почему-то представилось, как Кори и его родители выходят из леса, боясь, что их кто-нибудь увидит.

— На поезде, – ответил Кори. – Кстати, об аттестации. Я просто молчал, пока их чудо-машина пускала дым изо всех щелей.

— Она сломалась?

— Не знаю. Я должен прийти повторно сегодня вечером.

— Дорогу найдешь? — я почему-то улыбнулась.

— А ты предлагаешь подвезти?

— После восьми вечера я буду в лесу, у границы. Лес недалеко от нашего дома. И твоего тоже.

Получилось так, будто я собиралась через нее перебраться.

— Сбежать решила?

— Нет. Мы с подружкой там часто встречаемся.

— Ну, все, буду поджидать там и следить за вами.

Я вдруг не нашла, что сказать. Погода была замечательная, я бы прямо здесь и уснула. Бывает порой состояние, когда лень говорить. Рот еле открывается, и ты молишься, чтобы у собеседника закончились темы.

Прозвенел звонок, а мне совершенно не хотелось идти в класс. Я посмотрела на Кори – нельзя было сказать, что он торопится – и улеглась на скамью. Подставила лицо под солнечные лучи и закрыла глаза.

Спустя несколько секунд тишины Кори зашуршал, а потом все снова затихло. Я открыла глаза, приставив козырь-

ком ладонь ко лбу. Кори лежал на скамейке выше, на животе, сложив руки на сумке, под подбородком. И смотрел на меня. Какой странный момент.

Я незаметно задремала, а когда проснулась, парень спал. С востока подул ветер, нагрянули тучи, но, несмотря на потемневшее небо, мне показалось, что я в сказке. Никогда я еще не чувствовала себя настолько спокойной.

Где-то хлопнула дверь. Я подняла голову, прислушалась, потом снова легла. В школе шел урок. Нас могли искать, но за эти несколько минут я успела убедить себя, что сегодня мне позволено все. Или хотя бы немного больше обычного.

Кори спал не очень удобно. Одна рука лежала под подбородком, другая свесилась со скамьи. Ремень сумки зацепился за край, и она могла упасть, стоило ему перевернуться. Я осторожно поднялась и подтянула сумку ближе. Это был хороший поступок. Совсем маленький и никому, кроме меня, не заметный.

Вблизи его лицо перестало казаться изображением с рекламы. Под глазами была легкая тень. На щеке отпечаталась складка рукава. Он тяжело выдохнул, пошевелил губами и снова замер. Обычный уставший парень. Просто ужасно красивый.

Мне захотелось оставить его в покое. Вернуться в класс, сказать, что задержалась после аттестации. Никто бы не удивился. Кори проснется сам, соберет вещи, и на следующей перемене я встречу его возле воды.

Вместо этого я села ступенькой ниже. Через ограду проникал ветер и шелестел травой. Солнце то исчезало, то снова ложилось на нас. Мне не нужно было говорить правильные слова, следить за выражением лица или придумывать новый способ его задеть. Я могла просто сидеть.

Это нравилось мне больше, чем следовало.

Именно поэтому захотелось сделать какую-нибудь глупость. Чтобы он проснулся, чтобы все снова стало привычным: я язвлю, он смеется, мы расходимся. Нельзя же позволить человеку за один день так тебя успокоить. Это уже похоже на дурную привычку.

Я потянула руку к его волосам, сначала намереваясь только убрать завиток с виска.

У Кори действительно были очень кудрявые волосы. Мне захотелось запустить в них пальцы и почувствовать, как маленькие спирали их сжимают. Так я и сделала. А когда парень стал просыпаться, собрала пальцы в кулак и рванула его вверх.

— Ай!!!

Он вскочил, держась за голову, а я уже что есть мочи неслась вниз по ступенькам.

— Прости, ты никак не просыпался!

Как же я боялась обернуться и увидеть бегущего за мной Кори!

Добежав до мотоцикла, я надела шлем, завела мотор и рванула с места.

На свой страх и риск остановилась возле дома. Завела мотоцикл в гараж, а оттуда попала в дом.

Свет там был приглушен. Всюду идеально чисто. Наверное, из-за моей переаттестации мама решила навести порядок. Мол, новая жизнь, чистый листок. Приятно, конечно, но лучше бы она отдохнула. У нее сегодня был выходной, она работала по скользящему графику.

В доме стояла тишина... Нет, какие-то звуки все же доносились до меня.

Эмма сидела на кухне. В своем лучшем платье, которое она носила в очень редких случаях. Я видела ее со спины. Платье было с поясом, украшенное узором, изображавшим осенние листья. Волосы мама распустила, а от висков к макушке тянулись две тонких косички.

Дрожа от страха, я приблизилась к ней и заглянула в лицо. И с облегчением увидела, что она не плачет – ее глаза были сухими.

Я села за стол. Мама начала говорить, глядя в окно и не обращая на меня внимания, будто вела монолог сама с собой.

— Мы с Валерием познакомились много лет назад. Он был хорошим человеком. Кавалер каких поискать. Ты же знаешь, он осчастливил меня. Я не была наивной, я отрицала любовь и всегда смеялась над теми, кто в нее играет. И твой отец разделял мое мнение. Как-то мне даже показалось, что игра началась. Ведь любовь, как карты – раскладываешь их, раскладываешь, пока они не закончатся, а итог один: либо

любишь, либо нет. Я не любила его, Хизер. Не обязательно давать чему-то имя, чтобы быть счастливой. И вот, родилась ты, а отец пошел работать на Администрацию. Спустя год его уволили из-за проступка; он узнал больше, чем нужно. Потом твоему отцу не позволяли работать, Администрация желала выжить его из города, но он сопротивлялся. Валерий запил. Столько лет бездельничать, любой с ума сойдет. Но в какой-то момент он перестал быть тем мужчиной, который подарил мне тебя. Он полностью испарился и остался лишь человек, переполненный злобой.

— Где он, мам?

Мама наконец повернулась ко мне. На ее щеке был след от пальцев. Не удар, нет. Она, видно, долго сидела, опираясь на руку, и теперь не успела его стереть. Я заметила тонкую красную полоску и испугалась сильнее, чем если бы она плакала.

— Он ушел утром, — сказала она. — После тебя.

— Один?

— Да. Очень спокойно. Даже дверь придержал.

Она погладила скатерть. Я смотрела на ее ладонь и ждала, когда та остановится.

— Ты его видела после проверки?

Мама покачала головой.

— Нам сообщили.

На столе лежала сложенная салфетка. Рядом стояли две чашки, обе пустые. Я хотела спросить, кто приходил, но го-

лос почему-то не появился. Кажется, все мои хорошие ответы остались у Кори на стадионе.

— Хлоя направила его к Милисе, — сказала я.

Мама не сразу поняла.

— Я попросила. Утром. Направить его в четвертый кабинет.

Мне хотелось услышать, что это не имеет значения. В центре десятки кабинетов. Если человек не прошел проверку, номер двери ничего не меняет. Мама могла бы так сказать. Она умела находить слова, от которых становилось легче.

— Ты сделала это из-за ночи? — спросила она.

Я кивнула.

— И из-за всего остального.

— Хизер...

Она не закончила. Я сидела, глядя на скатерть, и вдруг поняла, что заставляю ее утешать меня. Отца забрали, а виноватой чувствую себя я — и теперь мама должна еще и решить, что говорить дочери.

— Я не хочу, чтобы он снова так делал, — сказала я. — С тобой. Со мной.

— Я тоже.

Это прозвучало совсем тихо. Но я услышала.

— До сегодняшнего дня ему сходили с рук негативные перемены в душе: его прощали за заслуги перед правительством. Но конец есть у всего. Сегодня Валерий не вернется в свой дом. Его забрали навсегда.

Голос матери дрожал. Рада она была или расстроена? Мне стало дурно от чувства вины. Вместо теплого, уютного дома ему предстояло провести остаток жизни за решеткой.

Но у тюрьмы тоже были свои правила, и они напрямую зависели от Высшей лиги.

Высшая лига — это турнир, в котором участвуют самые красивые люди четырех городов. Арена игры — междугородняя тюрьма, и у одного из заключенных есть шанс выйти на свободу, если финалист решит пожертвовать выигрышем в его пользу. Всего один человек так сделал за все время игр. Эту героиню звали Элита Сиболд. Она поступилась титулом самой красивой девушки, и о ней помнили до сих пор. Но найдется ли такая Элита Сиболд для Валерия?

Я видела запись ее финала. Элита стояла рядом с ведущим и не сразу ответила, что выбирает. Перед ней сияла корона, вокруг кричали зрители. Казалось, можно взять ее, стать победительницей, и вся жизнь разом сделается правильной. Вместо этого она произнесла имя заключенного.

Потом это показывали снова и снова. Даже я запомнила, как у ведущего изменилась улыбка. Он ожидал другой развязки, а получил историю, которую люди до сих пор обсуждали за ужином.

Я тогда спорила с Дином. Говорила: если она освободила близкого, ничего удивительного нет. Он спросил, отдала бы я столько ради кого-нибудь. Я ответила, что сначала надо выиграть. Это был очень удачный способ не отвечать.

Сейчас я пыталась представить Валерия на месте того человека. Не смогла. Память услужливо показывала мне его дома, в дверях кухни. За решеткой он почему-то никак не помещался.

— Мы можем передать ему вещи? — спросила я.

— Я уточню.

— Еду?

— Не знаю, Хизер.

Мама впервые за разговор посмотрела на меня почти сердито, и я поняла, что она знает не больше моего. Я приставала к ней так, будто ей уже объяснили все правила и она почему-то держит их в секрете.

Я хотела сказать, что начну получать зарплату. Пусть небольшую. У нас появятся деньги, мы сможем... Что? Купить ему другую жизнь? Я уже слышала, как нелепо это звучит.

— Мне нужно узнать, куда писать, — произнесла мама.

Она говорила о вполне обычной вещи. Адресе. О том, кому теперь разрешено отправить письмо. Я уцепилась за это, потому что с адресом можно было что-нибудь сделать.

— Я помогу.

Эмма кивнула. Не поблагодарила, не обняла меня. Я почувствовала себя полезнее, чем когда обещала самой себе сделать еду вкуснее.

Валерий мог выйти из тюрьмы, только вот никому не было дела до него. Когда игры только начинаются, первым ис-

пытанием становится "Право выбора". Тот, кто выполнит задание первым, имеет право выбрать заключенного, которого хочет освободить. Как правило, у каждого третьего игрока имеется родственник в тюрьме. А у кого его нет, тем обещают огромное вознаграждение за услугу.

Возможно Эмма захочет вернуть отца, но наши финансы не позволят подкупить игроков. Игры через два месяца, даже с зарплатой министерства, за такой короткий срок мне не успеть накопить достаточно большую сумму. К тому же, как я уже говорила, финалисты выбирают приз, а не чью-то свободу. То есть, мы потратим накопления зря. Деньги не возвращаются, ибо на всем пути игр, игрок находится в опасности, а его главная задача, добраться до заключенного первым.

— Почему ты раньше не рассказывала о прошлом отца?

Теперь, зная историю Валерия, я бы не винила его в том, что он обуза. Однако он был достоин презрения за малодушие. Зачем он пил? Что пытался заглушить в себе?

— Я сама не знала до сегодняшнего дня. — Мама помолчала.

— Он ничего тебе не рассказывал?

— Кусками. Я слышала про увольнение. Про то, что ему мешают устроиться. Но он каждый раз злился, и разговор заканчивался раньше, чем я успевала что-то понять. Я думала, он ищет оправдания.

Она провела рукой по поясу платья. Я только теперь за-

метила, что тот завязан слишком туго.

— Сегодня он рассказал иначе?

— Перед уходом. Сказал, что я должна знать. Что ты тоже...

Мама оборвала фразу. Я выпрямилась.

— Что я тоже?

— Не все помню. Он торопился, хотя времени было достаточно. Я спросила, почему именно сейчас. Он ответил, что хватит.

— Хватит чего?

— Я не знаю.

Мне не хотелось снова задавать вопрос, на который у нее нет ответа. Взгляд задержался на ее платье.

— Ты куда-то собиралась?

Эмма опустила глаза на листья, будто только сейчас заметила их.

— Хотела встретить вас нормально. Тебя после проверки. Его тоже.

Она коротко улыбнулась, и я почувствовала, как сжимается горло. Мама выбрала лучшее платье для дня, который в моей голове был только моим. Наверное, думала, что вечером мы наконец поужинаем спокойно. Я не удосужилась это представить.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала я.

Это было ужасно не вовремя. Эмма кивнула, однако не отвернулась. Я потянулась через стол и положила ладонь на

ее руку. Не обняла, не нашла умных слов. Просто задержала ее пальцы, чтобы они перестали поправлять скатерть.

Мы сидели так недолго. Мне показалось, что дольше, чем все сегодняшние разговоры.

— Он оставил письмо для тебя. Там, — она указала наверх, — в твоей комнате.

Я тяжело встала из-за стола. Голова гудела. Отец оставил прощальное письмо?

В моей комнате было прохладно — кто-то открыл окно. Конвертов оказалось два: один из них, без надписи, лежал на кровати, второй упал на пол. На нем была наклейка: "Не вскрывать. Для охраны". Я взяла конверт без надписи и вынула из него белый лист. Развернула и прочитала:

"Хизер, новые соседи могут изменить твою жизнь. Если ты готова, поройся в их прошлом, тогда ты узнаешь".

Что узнаю?

Я перечитала текст, но яснее не стало.

В почерке отца я разбиралась плохо. Он редко что-нибудь писал при мне. Подписи на школьных бумагах ставила мама; записки о покупках тоже оставляла она. Несколько слов я узнала по тому, как он выводил заглавные буквы. Слишком сильно давил, будто бумага сама была в чем-то виновата.

Я поднесла лист к окну. На обороте ничего не было. Ни продолжения, ни адреса, ни хотя бы имени человека, к которому следовало обратиться. Отец сумел даже прощальное письмо превратить в занятие, за которое я получала бы

плохую оценку.

Новые соседи. Кори. Его родители. Других новых соседей у нас не появлялось.

Он видел их сегодня? Вчера? Почему не сказал мне утром, когда стоял в дверях? Можно было произнести эту фразу при маме. Или вывести меня в коридор. В худшем случае она показалась бы очередной странностью, каких у Валерия хватало.

Я попробовала вспомнить, где отец находился, когда мама выпустила Кори. В гостиной. Телевизор работал. Он наверняка слышал наш разговор. Услышал фамилию, увидел парня в окно? Значит, одной фамилии было достаточно, чтобы написать такое.

Мне вдруг стало неприятно оттого, как мало я знала о человеке, с которым провела почти весь день. Утром он просто оказался у наших дверей. Потом у воды. Потом на трибуне. Я помнила, как он держит сумку, где у него царапина на пальце и как выглядят волосы после сна. Знать это оказалось намного легче, чем узнать хоть что-нибудь настоящее.

Я посмотрела на второй конверт. Пальцы потянулись к краю, но остановились. «Для охраны» было написано слишком недвусмысленно. Даже мне не удалось бы понять эти слова иначе.

Если отец хотел что-то сообщить мне, почему не положил все в один конверт?

Звонок во входную дверь заставил меня вздрогнуть.

Неужели отец вернулся?

Я вышла из комнаты и услышала чужой голос. Кто-то зачитал права, а потом сказал:

— Осужденный Валерий Ривера оставил своей дочери письмо. Где оно?

Это была охрана города. Они пришли за письмом. Но откуда они узнали?

Мама молчала. Офицер зашел в дом, я слышала его тяжелые шаги.

Я прислушалась. Он остановился внизу. Мама сказала что-то короткое; я не разобрала. Второй голос ответил ей из прихожей. Значит, их было как минимум двое.

Мне стало ясно, что спрятать письмо я должна раньше, чем придумаю, где. На столе лежали учебники. Между страницами можно спрятать лист, но это знают все, кто хотя бы раз учился в школе. Под матрасом? Самое первое место для человека, который любит переворачивать чужие вещи.

Письмо дрогнуло у меня в руке. Еще час назад я собиралась искать среди знакомых мошенников и бегунов, а теперь выбирала тайник для записки собственного отца. Можно ли получить новое предупреждение в тот же день, когда сняли старое? Наверняка. У них для этого даже не пришлось бы заводить новый диск.

Я услышала, как офицер ступил на лестницу.

Нельзя задерживать его у двери. Нельзя стоять с виноватым лицом. Нельзя спрашивать, зачем он пришел, если уже

слышала.

Я зачем-то поправила край покрывала. Действительно, прекрасное время для уборки. Если умру, пусть всем будет приятно смотреть на кровать.

Письмо в моих руках его явно заинтересует.

Я вернулась в комнату и взяла конверт с наклейкой.

Валерий знал, что они придут.

Я пошарила взглядом по комнате в поисках места, где можно спрятать послание отца мне. Но если охрана начнет осмотр, они перероют все. Лучше дать им то, что они хотят.

В комнате стоял ужасный дубак. Я подошла к окну, чтобы закрыть его, но вместо этого вложила письмо в конверт, скомкала и бросила во двор.

Через секунду в двери возник офицер:

— Письмо, пожалуйста.

Он был одет в тяжелую черную форму, с автоматом на перевес и защитными очками на лбу. Они ему пригодятся, чтобы моя кровь не попала в глаза, если я осмелюсь сопротивляться.

Я повернулась к нему спиной и подняла с пола конверт.

"Не вскрывать. Для охраны".

Плавнo содрала наклейку и спрятала в рукав.

Как только я повернулась к офицеру, камера на потолке загорелась красным, а это значило, что началось видеонаблюдение. Это было странно. Она загоралась только в Судный час, когда все жители города обязаны быть у телеviso-

ров. Обычно сначала включалась камера на первом этаже дома, затем на втором. Значит, за мамой уже тоже следили.

— Конверт изъят, — сказал офицер в рацию.

Он держал его перед собой, не сгибая. Моя наклейка сидела в рукаве, липкой стороной касаясь кожи. Я боялась, что она выскользнет на пол. Еще больше боялась поправить рукав и привлечь внимание.

Офицер перевел взгляд с конверта на меня. Я смотрела ему не в глаза, а на переносицу, как учили на собеседованиях: так не слишком дерзко и не слишком испуганно. Правда, ни на одном собеседовании меня еще не спрашивали про письмо, которое я только что выбросила из окна.

— Ты читала его?

— Он запечатан.

Я не ответила. Просто произнесла очевидное, и сама испугалась, что он заметит.

— Я вижу.

Он сделал полшага в сторону. Теперь мне казалось, что окно оказалось прямо у него за спиной и он должен почувствовать холод. Или посмотреть вниз. Во дворе лежал белый конверт. С такой высоты я не знала, виден ли он из комнаты.

На потолке горел красный огонек. Я пыталась вспомнить, когда именно он включился. До того, как я повернулась? До окна? В памяти все смешалось. Если там уже видели лист в моей руке, никакой спокойный голос мне не поможет.

Офицер коснулся наушника. Я не слышала, что ему ска-

зали, но он вновь посмотрел на конверт.

Мне очень хотелось спросить, где отец. Он пришел из-за отца, значит, мог знать. Только вопрос прозвучал бы как желание продлить разговор. Я впервые в жизни боялась, что человек уйдет слишком поздно, и одновременно хотела его задержать.

— Как поступить с гражданскими?

Спустя две секунды раздался женский голос:

— Конверт распечатан?

— Конверт запечатан.

— Покинуть дом.

Когда входная дверь закрылась, я со вздохом села на кровать. Слишком много было сегодня волнений.

Так и сидела с тяжелой головой под включенной камерой.

Внизу скрипнул стул. Мама вернулась на кухню. Почему-то именно этот звук убедил меня, что они действительно ушли. Пока слышала только тишину, я ждала, что дверь откроется еще раз.

Я достала наклейку из рукава. Она свернулась краями внутрь, и разлепить ее было непросто. «Для охраны». Остальные буквы прилипли друг к другу. Я смяла ее совсем маленьким комочком. Потянулась к урне, потом остановилась. В урне оставались обычные вещи: фантики, исписанный черновик. Там ничто не нуждалось в том, чтобы его прятать.

Я сунула комочек в карман.

На столе лежал мой личный диск. Я вынула его из рюкзака после возвращения, еще до разговора с мамой. Хотела оставить на виду. Пусть видит: получилось. Теперь он казался чужим. За несколько часов я умудрилась сделать то, что пришлось скрыть и от аттестатора, и от подруги, и от охраны. Машина говорила об изменениях выше нормы. Она даже не представляла, сколько работы я для нее приготовила к следующему месяцу.

Я встала, взяла со стола стакан и пошла вниз. Мне нужен был повод выйти во двор. Мама не подняла головы, когда я прошла мимо. Я набрала воды, сделала несколько глотков и поставила стакан в раковину.

— Побуду немного снаружи, — сказала я.

— Не уходи далеко.

— Не уйду.

Мне было легче, что хоть это обещание я собиралась выполнить.

А потом вышла во двор, подобрала письмо отца и порвала на клочки — от греха подальше.

Один кусочек прилип к пальцу. На нем осталось «жизнь». Я отлепила его ногтем, разорвала еще раз и опустила к остальным. Теперь прочесть это слово не мог бы никто.

Смысл все равно не исчез.

Я выбрала письмо из травы быстро, будто просто поднимала мусор. Разрывала, повернувшись спиной к дому. Не знаю, помогало ли это. От мысли о камере у меня заныло

между лопатками, словно красный огонек мог дотянуться туда через стену.

Ключки не хотелось выбрасывать возле забора. Ветер подхватит, унесет на дорожку; кто-нибудь наклонится и увидит отцовскую букву. Я донесла их до дворового контейнера и закрыла крышку. Потом постояла, держа ладонь на пластике. Отцу ведь следовало написать проще. «Не верь соседям». Или «Они хорошие». Одного из этих вариантов хватило бы, чтобы я знала, куда смотреть.

Вместо этого он предложил мне порыться в прошлом. Прошрое находилось у Администрации, в папках и на дисках. Я с трудом получила право не числиться в одной из таких папок, а теперь мне предлагали открыть чужую.

По дорожке за оградой прошла женщина с сумкой. Я узнала ее, кивнула. Она улыбнулась в ответ и пошла дальше. Наш дом выглядел обычно. В нем никто не кричал, во дворе стояла дочь, у гаража отливала золотом новый мотоцикл. Можно было принять все это за вполне счастливую жизнь.

Я вернулась к двери и задержалась на ступеньке. До восьми было еще далеко. Впервые за этот день я не хотела, чтобы время шло быстрее.

Голова была настолько напряжена, что думалось с трудом. Письмо отца, окутанное тайной; конверт для охраны. Что в нем написано? Именно для охраны...

Мне следовало спуститься к маме и поговорить с ней, но камера до сих пор не выключилась. Значит, за домом наблю-

дали. Обсудить с мамой эту тему придется потом. И лучше вне дома. А пока я сделаю вид, что проголодалась, хотя нет. Мне и вправду хотелось есть.

До встречи с Хлоей еще три часа. У меня есть время покусать, попробовать сделать из волос прическу для администрации и поразмыслить над словами отца.

Видимо, у Джефферсонов было действительно захватывающее прошлое. Интересно, откуда о нем стало известно отцу? Впрочем, если он работал на Администрацию...

На кухне мама поставила передо мной тарелку. Я взяла вилку, хотя не помнила, что именно собиралась съесть. Эмма села напротив. Обе мы старались вести себя так, будто обычный ужин мог все исправить.

— Ты сегодня еще куда-нибудь идешь? — спросила она.

— С Хлоей погулять. А потом в центр.

Мама подняла голову.

— Сегодня?

— Да. Меня познакомят с работой.

— Во сколько?

Я опустила глаза к тарелке.

— В одиннадцать.

Она ничего не сказала. Тишина затянулась, и мне захотелось заполнить ее всеми объяснениями, которые успела придумать по дороге из кабинета. У Администрации нет свободных часов. Им нужны секретари. Я совершеннолетняя. Наконец, мне действительно предложили работу.

— Я могу тебя встретить, — произнесла мама.

Это разрушило все приготовленные доводы. Она не спорила.

— Не надо. Я приеду сама.

— На чем?

Я посмотрела в сторону гаража. Удивительно, что она еще не спросила. Наверное, увидела его, когда охрана входила в дом, и просто не нашла сил добавить еще один разговор.

— Мне выдали транспорт.

— Я заметила.

— Мам, я умею. Училась же.

— Знаю.

Она придвинула ко мне стакан. Я вдруг поняла, что никаких долгих упреков про мотоцикл не будет. Не сегодня. Так много раз я мечтала, чтобы родители оставили мой выбор в покое, а когда это случилось, почувствовала себя нехорошо.

— Буду в шлеме, — сказала я.

— Хорошо.

Я запомнила, что должна позвонить ей после работы. Произнесла обещание вслух. Она кивнула, и впервые за вечер мне показалось, что я сказала что-то нужное.

Потом мы ели. На кухне были слышны вилка, часы и редкий шелест маминых рукавов. Отец больше не мог появиться в дверях и испортить вечер. Я ждала, что от этого станет легко. Легко не становилось.

Все-таки я доела. Помыла свою тарелку и мамину чашку.

Эмма ушла наверх, а я задержалась у раковины, пока стекала вода. Мне нужно было снова увидеть комнату, причесаться, найти одежду для первого рабочего вечера. Совсем простые дела, о которых утром можно было только мечтать.

Карточка с номером центра осталась в кармане. Я вынула ее, расправила уголок и положила рядом с телефоном. Двадцать три ноль-ноль. Не забыть. Не опоздать. Прийти самой.

Кори я собиралась увидеть раньше, в лесу. Теперь я не знала, хотелось ли мне спросить его о Джефферсонах или просто услышать, как он опять говорит что-нибудь неуместное. От записки отца я избавилась. От этого желания — нет.

Глава третья

Гимн смерти

*Там, где время играет с ресницами,
Там, где мир под обрывками снов,
Ты всегда успеваешь присниться мне
Там всегда быть со мною готов.
Здесь же время играет со стрелками
Здесь и взгляд твой бывает пустым,
Измеряется время монетками
Жаль, что здесь ты бываешь другим.
Здесь — бежит река времени быстрая
Там — летят облака не спеша.
Знаешь, я не хотела так близко быть.*

Знаешь же, я тебя не ждала.

Здесь не хватает ни вдохов, ни выдохов.

Здесь никогда нам, увы, не заснуть.

Рядом с тобой получается выдохнуть.

Но тяжело почему-то вдохнуть.

(Дневник Хлои)

Вечером за мной зашла Хлоя – она жила неподалеку, – и я с радостью покинула дом, потому что камеры до сих пор не выключались. Правда, она явилась гораздо раньше, а это значило, что ей не терпелось рассказать новости. Я, конечно, не против выйти из дома за сорок минут до встречи.

Мама выглянула из кухни, когда я взяла куртку. Я поспешила показать ей телефон, словно одного его присутствия было достаточно, чтобы со мной ничего не случилось.

— Он включен, — сказала я. — И заряд есть.

— Я не об этом спрашивала.

Она вообще ничего не спрашивала. Просто смотрела. После визита охраны мне было трудно понять, когда от меня требуют ответа, а когда можно просто уйти.

— Мы только до тополя, — добавила я.

Хлоя кивнула с той убедительностью, с какой обычно обещала держать рот на замке. Пока у нас не было других планов, ее честность не вызывала сомнений.

Мама подошла к двери и поправила мне воротник. Знакомое движение, от которого утром становилось легче. Сейчас я невольно посмотрела на потолок. Камера следила за нами

или только за тем, сколько человек остается в доме? Очень хотелось считать, что последнее.

— После работы позвоню, — напомнила я.

— Хорошо. Если задержишься, тоже.

Я кивнула. Хлоя уже спустилась с крыльца и переминалась с ноги на ногу. Мне захотелось пойти к ней скорее, пока мама не спросила, отчего у меня такой голос.

На дорожке я оглянулась. Эмма стояла у открытой двери, держась за край створки. Раньше рядом с ней мог появиться отец и потребовать, чтобы мы не шатались до ночи. Сегодня она была одна.

Я подняла руку. Мама ответила и закрыла дверь.

Мы дошли до конца улицы и свернули на песчаную тропинку. Дома остались позади, и нас окружили высокие деревья. До нашего привычного места было не очень далеко.

Как обычно, одна из нас несла плед. В этот раз тащить сумку пришлось Хлое. Мы расстелили его под тополем, сняли обувь и сели.

Хлоя забралась на плед с ногами и достала из сумки две маленькие бутылки воды. Одну протянула мне. Я приняла ее с удивлением: обычно подруга вспоминала о жажде, когда мы уже успевали уйти довольно далеко.

— Я сегодня предусмотрительная, — объяснила она.

— Запишу в календарь.

— Тогда поставь еще, что ты впервые пришла без опоздания.

Она отодвинула ботинки в сторону и разровняла край пледа. На подошве одного моего ботинка застрял камешек. Я выковыряла его ногтем и бросила к корням. Такие маленькие занятия всегда помогали выбрать, с чего начать разговор. Особенно когда новостей было столько, что они уже мешали друг другу.

С улицы сюда почти не доходили голоса. Где-то хлопнул автомобильный багажник, потом снова остался только лес. Я вытянула ноги и почувствовала под тканью теплую землю. За день она успела нагреться. Над нами шелестели листья, и на мгновение мне показалось, что я могу просидеть здесь до самого утра, не возвращаясь ни домой, ни в центр.

Хлоя повернула бутылку, изучая наклейку. Три раза. Потом отложила ее, взяла телефон, посмотрела на экран и убрала обратно.

— Ты кого-то ждешь? — спросила я.

— Нет.

Я знала это «нет». Оно означало: жду, но он обещал не звонить, поэтому ждать глупо. Или обещал позвонить, и ждать еще глупее. Броуди умел испортить прогулку, не выходя из дома.

Мне хотелось рассказать о Кори раньше, чем имя Броуди поселится на нашем пледе. Я повернулась к подруге.

— Я познакомилась с парнем, — сказала я.

Подруга могла говорить о своих проблемах долго, чаще всего они были преувеличены, и я не видела в них гло-

бальной катастрофы. Поэтому всегда старалась выговориться первой, а уж потом выслушать в благодарность Хлою.

— Хизер понравился мальчик? Вот это новость. Кто он?

— Он тот вариант, который я ждала меньше всего.

— И-и? – протянула Хлоя с интересом.

— Новичок в городе. Кори...

— Джефферсон, — закончила за меня подруга. Она вдруг приободрилась, будто этот парень ей понравился. — Я видела его сегодня утром, перед твоим приходом. Очень симпатичный. Правда, эти кудри... Я бы с ними что-нибудь сделала.

— Я не говорила, что он мне нравится. Просто... Ты же видела его. У него есть чему поучиться.

— Тебе — вежливости. "Здравствуйте, я Кори Джефферсон, переведен из первого, меня ожидают". Весь из себя интеллигентный. Кстати, он та-ак на меня посмотрел.

— Еще бы, ты же красивая.

— Нет. По-другому. Не могу объяснить.

— Он, наверное, пытался найти нужный кабинет, — сказала я.

— Ага. По моему лицу.

Хлоя улыбнулась, и я ощутила совершенно неприличное желание объяснить ей, как Кори смотрит на людей. Сначала внимательно, потом так, будто сейчас задаст вопрос, которого лучше бы не задавать. Ничего особенного в этом нет. Он и на меня так смотрел.

О последнем я благоразумно умолчала.

— Ты же сказала, что не нравится, — напомнила подруга.

— Так и есть.

— Тогда зачем ты его защищаешь?

— Я не защищаю. Просто не все, кто встают перед твоим столом, сразу влюбляются.

— Все? Нет. Я говорила об одном.

Она потянулась за бутылкой, а я отвернулась к деревьям. Замечательно. Начать разговор первой, чтобы самой же оказаться в неловком положении. Мое многолетнее умение организовывать собственные неудачи только крепло.

— Вы долго разговаривали? — спросила Хлоя уже спокойнее.

— Ехали вместе. Потом в школе.

— А я почему не видела?

— Ты была на работе.

— То есть я работаю, а у тебя приключения.

— У меня тоже теперь работа.

Я произнесла это слишком быстро. Хлоя не заметила или сделала вид, что не заметила. Она привыкла, что я огрызаюсь, когда разговор подходит слишком близко. Очень удобная привычка подруги для начинающего резидента.

— Слушай, ты не задумывалась об истории нашего города? Почему мы так мало знаем о нем?

Я не могла пересказать Хлое слова парня. Это значило бы просто сдать его с потрохами, ведь наверняка ему запретили

говорить о подобном с людьми. Зато говорить его словами вполне разумно.

— Я думала об этом.

Вот оно как. Даже Хлоя, в чьих умственных способностях я порой сомневалась, думала об истории города. Неужели я единственная жила в коробке, где все вертелось вокруг меня?

— Возможно, что не происходило ничего интересного, — продолжала Хлоя. — Или информация давно утеряна, и восстановлено лишь то малое, о чем помнят старики.

— А когда оно потерялось?

— Что?

— Пршшлое. В какой момент люди решили, что уже не помнят?

Хлоя посмотрела на меня. На этот раз без улыбки.

— Ты у меня спрашиваешь?

— Нет. Я просто...

Что «просто»? Кори задал вопрос, отец оставил письмо, а я вдруг захотела знать вещи, которые еще вчера спокойно помещались за пределами моего внимания. Я даже не успела придумать, зачем они мне.

— В школе ведь что-то рассказывают, — сказала Хлоя. — Про строительство городов. Про Администрацию.

— Про строительство — сколько построили. Про Администрацию — какая она хорошая. А до этого?

— До этого людям было хуже.

Она произнесла знакомую фразу, и спорить стало не с чем. Мне тоже казалось, что было хуже. Наверное, так и было. Просто я не могла представить день, когда кто-то впервые сказал: здесь будет первый город, здесь второй, а ты родишься вот здесь и будешь знать ровно столько, сколько положено.

Хлоя отломила от сухой ветки маленький сучок.

— У меня бабушка рассказывала, как поменялась площадь, — сказала она. — Раньше там были другие фонари. И магазин с тканями стоял ближе к дороге.

Я повернулась к ней.

— А еще что?

— Не помню. Мне было мало лет. Я слушала, когда она показывала, где покупала платья. Все остальное пропускала.

Мне стало обидно. За фонари, за магазин, за маленькую Хлою, которой понадобились только платья. Хотя сама я, наверное, слушала бы еще хуже.

— Спроси у мамы, — предложила подруга. — Она же тут жила до тебя.

Я покачала головой. Эмма сегодня уже рассказала мне столько прошлого, что я с трудом справлялась с ним. Остальные вопросы должны были подождать.

Я, как обычно, смотрела на лес, надеясь, что ответы находятся где-то там, за ним.

Хлоя повернула ко мне лицо. Я одновременно поглядела на нее, о чем сразу пожалела. Подруга была необычайно кра-

сива.

— Уговор все еще в силе, Хиз. Мы можем попробовать узнать, что за лесом.

Когда мы только познакомились, приходилось просто блуждать по городу, качаться на качелях, если детская площадка была пуста. Но как-то раз мы сошли с привычной дороги и нашли это место под топодем. Теперь мне, как и ему, позволено лишь смотреть вперед и с грустью осознавать, что наши корни утопают слишком глубоко, чтобы сдвинуться с места.

— Хизер, пошли сегодня! – вдруг загорелась Хлоя.

В этом была она вся.

— Сегодня?!

— А чего тянуть? Вдруг погибну на играх? Сама знаешь, такое бывало.

— Или победишь, и мы больше не увидимся. Пропадешь, как все победители.

Подруга посмотрела на меня с сомнением. Удивительно, как отчетливо ее лицо могло передавать эмоции.

— Скажу по секрету, только молчок, – колебавшись, сказала она. – Я слышала, что в этом году правила изменят.

— Что именно?

— Не знаю. Меня сегодня на работе попросили передать документы в один кабинет. Шла мимо зала заседаний, а там дверь была приоткрыта, и я услышала о новом проекте, который запустят на играх. Говорили об изменениях, и что они

откроют новые возможности.

— Интересно... – протянула я. — Но сегодня отправиться в путешествие не получится. К одиннадцати меня ждут в аттестационном центре. Сегодня уже надо выйти на работу.

Хлоя развернулась ко мне.

— Ночью?

— Бумаги, видимо, не спят, – пояснила я.

Она с подозрением кивнула, но допрашивать не решилась.

— Я ж тебе самое интересное не рассказала! – встрепенулась я. – Насчет отца...

— Я уже знаю, у нас сегодня об этом говорили. Слушай!

— она снова воодушевилась. — Жизнь налаживается! А мы думали, с возрастом все сложнее, но нам повезло: обе работаем на Администрацию. Мама небось обрадовалась?

— Насчет работы я ей сказала. Послушай, когда я пришла домой, Эмма рассказала правду об отце. Он тоже работал на правительство, но его уволили и не позволили работать вообще. Поэтому он спился. А еще он оставил конверт на моей кровати, где написал о Джефферсонах. Мол, у них есть прошлое.

— Подожди, я не успеваю за тобой. Твой отец и Администрация? А Джефферсоны тут при чем?

— Кори получил три предупреждения в своем городе.

— Это я знаю, прочитала резюме. Думаешь, твой отец напекнул на это прошлое?

Возможно, Хлоя была права, и никакой особой тайны

его семья не скрывала. Валерий действительно мог говорить именно о предупреждениях, и что мне лучше не связываться с парнем. Хотя...

— В письме говорилось не именно о Кори, а обо всей семье. Я уверена.

— Да уж, твоя семья, как видишь, тоже имела секреты.

— О чем ты?

— Кто знал, что твой отец работает на Администрацию? Никто. Следовательно, его работа была тайной.

— Работал, — поправила я.

— Тем более. Секреты ведь не заканчиваются вместе с работой.

Я вспомнила второй конверт, который офицер держал перед собой. Охрана знала, что он существует. А я не знала даже, чем он отличался от моего, пока не прочла наклейку. Выходило, какие-то части нашей семейной жизни обходились без меня, хотя все эти годы я считала себя единственным человеком, способным здраво оценивать происходящее дома.

— Ты видела, кто его проверял? — спросила я.

— Нет. После обеда у нас уже говорили, что его задержали.

— Милиса что-нибудь сказала?

— Мне? Нет. Хиз, я только направляю людей. В кабинетах не сижу.

Ее ответ задел меня. Я вдруг поняла, что пытаюсь воспользоваться работой подруги. Сегодня утром попросила

указать отцу определенную дверь. Сейчас хотела узнать, что происходило за этой дверью. Если Хлоя ответит, я спрошу еще. И все это будет выглядеть как наш обычный разговор.

Я закрутила крышку бутылки слишком сильно. Пластик хрустнул.

— Я не знала, что получится именно так, — сказала я.

— Про отца?

Я кивнула.

Хлоя положила руку на край пледа, рядом с моей. Не стала говорить, что я виновата, и не стала говорить, что ни в чем не виновата. Я была благодарна ей за это молчание. Даже немного удивилась.

Потом она взглянула наверх.

— Кажется, сейчас нас зальет.

И тут прогремел гром и пошел дождь. Не успели мы встать, как из города донеслись устрашающие звуки гимна.

Судный час. Этот гимн предвещал чью-то смерть.

Я замерла с бутылкой в руке. Первые ноты донеслись издалека, потом зазвучал громкоговоритель возле улицы. Лес не мог их заглушить. Музыка вошла между стволами, в ветви над пледом, в то место под ребрами, где я до сих пор пыталась уместить сегодняшний день.

Хлоя уже искала ботинки. Один стоял возле корня, второй мы заслонили сумкой. Она опрокинула сумку, вытащила ботинок и потянула меня за рукав.

— Быстрее.

Я не могла попасть ногой внутрь. Мелкая нелепая заминка, за которую хотелось возненавидеть весь мир. Шнурок попал под пятку, я выдернула его, снова натянула ботинок.

— Хиз!

— Сейчас!

Музыка продолжалась. Между раскатами грома я различала ее так отчетливо, будто стояла перед телевизором. И вдруг увидела в памяти папину кружку. Он оставил ее на столе утром. Мама наверняка уже вымыла, поставила в шкаф. А его самого могли сейчас поставить перед камерой.

Я поднялась слишком резко. Хлоя подхватила меня за локоть, и мы побежали.

И каждый житель города обязан был наблюдать за свершением правосудия по телевизору.

Существуют звуки, которых мы боимся. В нашем городе гимн смерти лишал меня чувств, оставляя на их месте один лишь страх, который запирал рассудок под замок, и заменял привычный свет, всепоглощающей тьмой. За несколько секунд мной овладел инстинкт, кричащий "бежать".

К этому приучали с детства. И каждый раз, где бы я ни находилась, люди вокруг бросали дела, словно замороженные, и мчались к экранам телевизоров, чтобы наблюдать казнь.

Мы бежали наперегонки со временем, поскользываясь и спотыкаясь о корни. У нас было пятнадцать минут на то, чтобы добраться до экрана.

Дождь превратился в ливень, и я почти не видела куда бе-

жать. Плед и сумка Хлои остались под топодем, но это было неважно, когда грозило наказание.

На повороте я почти потеряла подругу из виду. Вода падала сплошной стеной. Хлоя мелькнула между стволами, оступилась и схватилась за ветку. Я успела поймать ее за плечо. Мы обе качнулись вперед, удержались и снова побежали.

— Ты цела?

Она кивнула. Ответить не могла.

Я знала эту тропинку. Здесь налево, потом корень, за который мы цеплялись каждую вторую прогулку. Но дождь превратил знакомые места в чужие. Я пыталась различить темный ствол тополя за спиной и поняла, что уже не вижу его.

Нельзя было останавливаться и проверять время. Даже доставать телефон казалось слишком долгим делом. В голове я считала минуты так же бессмысленно, как утром секунды на сканере. Считать получалось, понимать, сколько осталось, — нет.

На краю леса песок сменился грязью. Я выскочила на улицу и поскользнулась. Ладонь ударилась о мокрый асфальт. Хлоя схватила меня под мышку, потянула вверх. Это заняло, наверное, две секунды, но я успела представить, как камера фиксирует наш пустой дом.

Нет, мама дома. Мама у телевизора. Не пустой — неполный.

Я стиснула зубы и побежала дальше. Пятнадцать минут

обычно казались мне долгими: можно умыться, найти носки, даже успеть немного поссориться. Сейчас в них не помещалась одна-единственная дорога.

За пропуск прямого эфира человек получал предупреждение. Уже с одним можно вылететь с работы.

Во время бега, я представляла жителей города, еще недавно занимающихся своими делами; видела, как во всех магазинах и домах померк свет, и музыка опрокинула вещи, которые они держали в руках. Они подобно мотылькам, слетались на свет, они подобно хищникам, сбегались на смерть.

Через несколько минут мы с Хлоей могли остаться единственными людьми на улице. Главное – добраться до дома!

Конечно, мы успеем, ведь мой дом недалеко, а мы неслись быстрее ветра, завывания которого сливались с грозной музыкой.

Мама уже сидела у телевизора, дрожа всем телом. Она боялась увидеть на экране Валерия – человека, на чьей должности, вероятно, я скоро буду находиться. Хлоя все не могла отдышаться, а ведь я предлагала ей совершать со мной пробежки. Камеры в доме уже были включены. Или до сих пор оставались включенными?

Мы оставили на полу мокрые следы. Мама даже не посмотрела на них. Она подвинулась на диване, чтобы мы сели, и сразу снова повернулась к экрану.

Хлоя стянула куртку. Я осталась в своей. Вода текла с рукавов, холодила пальцы. Из кармана давил на бедро телефон.

Я знала, что он работает, что можно позвонить, но не могла вспомнить ни одного человека, который ответил бы нам сейчас.

Внизу экрана шел обратный отсчет. Мы успели. Я смотрела на цифры и никак не чувствовала облегчения.

— Мам, — сказала я.

Она положила ладонь мне на колено, не оборачиваясь. Ее пальцы были холодными, хотя она никуда не выходила. Теперь я уже точно знала, о ком она думает.

Хлоя нагнулась к ботинкам. Мама вдруг сказала:

— Потом. Сядь прямо.

Подруга послушалась. Я тоже выпрямилась. Камере не должно было понадобиться искать наши лица под мокрыми волосами. Какая удобная мысль, когда ждешь, чье лицо появится на экране.

Музыка стихла, и комната стала еще тише. Даже дождь за окном отступил куда-то далеко. Я уставилась на экран прежде, чем началась привычная запись.

Во время Судного часа они фиксируют количество людей перед экранами. Если машина Администрации не досчитывается нескольких душ, она посылает данные другой машине, которая выявляет нарушителей. А позже офицеры навещают твой дом...

— Уважаемые граждане, недавно выявлен человек, поставивший под угрозу мое правление и вашу жизнь. — Из раза в раз повторявшаяся запись выступления всемогущей Мамы

выжгла в моей памяти эти слова, точно огнем. — Он предпочел существовать по своим правилам, в то время, как правительство оберегало его, дарило тепло и заботилось о том, чтобы он жил, ни в чем не нуждаясь. — Одной из отличительных черт, помимо безукоризненной красоты правительницы, являлось умение ораторствовать. Женщина говорила настолько убедительно и властно, что только глухой осмелится бы усомниться в ее словах. — Любовь вашей Мамы была и остается бескорыстной, я всего лишь прошу вас стремиться к совершенству. В мире нет места деградации. В нем должна быть красота. По-другому — никак.

Она развернулась, как бы уходя, и я в очередной раз удивилась ее пышной белой шевелюре, напоминавшей сердце, как его изображают на картинках.

Лицо, которое показали спустя мгновение, обессилило меня. Я подалась к экрану, чувствуя, что падаю в пропасть, и не за что ухватиться.

Кори Джефферсон стоял на помосте. На его шее была закинута толстая веревка, в которой побывала не одна сотня человек. Мальчик выглядел растерянным, и его кудрявая голова была мокрой от проливного дождя.

Я хотела кричать, биться головой о стену. Не может быть! Его сейчас повесят! Убьют! А я бессильна, как ребенок.

— Хизер, не он ли приходил сегодня утром? – спросила мама.

— Они убьют его! — я бросилась к двери.

— Хизер, ты сошла с ума? — Хлоя схватила меня за руку.

Я была готова ее ударить. Злость переполняла меня, я чувствовала, как она расползается в голове, гудит и сотрясает тело.

Эмма вскочила, заслонила собой дверь, но я не видела никого, кроме Кори. Он смотрел в камеру своими темными невинными глазами. Смотрел на меня!

— Пустите! Пустите меня!

Мама и Хлоя держали меня, и я осознала всю свою беспомощность и заплакала.

Я дернулась еще раз. Хлоя прижала мою руку к себе, мама держала за плечи. Мне было больно, но я хотела, чтобы они держали сильнее. Потому что если отпустят, я действительно выбегу. Не придумаю ничего умного, просто выбегу на улицу.

А до площади все равно далеко.

Кори стоял под дождем. Я смотрела на его шею и не могла заставить себя поднять глаза. Утром он пил воду. Капля стекла у него по подбородку, он стер ее ладонью. Сейчас вода текла по веревке. То же лицо. Тот же человек. Между этими изображениями прошло всего несколько часов.

— Хизер, посмотри на меня, — просила мама.

Я не посмотрела.

Из телевизора донесся какой-то голос. Он говорил, но слова не складывались. Мне хотелось услышать причину. Какую угодно, хотя от нее ничего бы не изменилось. В голове

все еще звучало: машина сломалась, надо прийти вечером. Он ведь собирался на проверку. Сказал мне на стадионе. Почему стоит там?

— Он не... — начала я и не сумела закончить.

Я не знала, чего он не сделал. Не знала о нем почти ничего. Не могла защищать его даже словами, а собиралась выбежать и остановить то, что уже показывали всему городу.

На миг камера приблизила его лицо. Он посмотрел в сторону, потом снова прямо. Мне показалось, он искал кого-то в толпе.

Я разжала пальцы. Только тогда поняла, что все это время сжимала рукав Хлои.

А Кори был все такой же растерянный. И такой же красивый. Невероятно красивый.

Я чувствовала, что не могу больше жить. Упаду сейчас на пол и испущу дух!

Его показывали со всех сторон, с четырех камер. И вдруг раздался шум мотора. К площади на большой скорости приближалась машина. Кажется, впереди сидели два человека. Автомобиль подлетел к помосту и затормозил. Сидевший за рулем мужчина выскочил из него с оружием наперевес. Прогремели выстрелы, и телевизионная картинка перевернулась. Камера упала, и рядом с ней упал оператор.

Теперь происходящее показывали с другой камеры – подерживая Кори под руку, смуглый мужчина довел его до машины и усадил на заднее сиденье. Машина развернулась и

скрылась с экрана.

Я сделала шаг к телевизору. Мама отпустила меня не сразу. Ее ладонь соскользнула с моего плеча, и мне вдруг стало трудно стоять без этой опоры.

— Уехали? — спросила я.

Никто не ответил.

Экран снова переключился. Теперь было видно край помоста, мокрую площадь, людей в черной форме. Один наклонился к оператору. Второй поднял руку, указывая туда, где исчезла машина. Я ждала, что Кори появится опять. Что нам покажут перекресток, погоню, еще один помост. Смотреть и не видеть его было невыносимо.

Мне хотелось сказать: он жив. Но если произнести это, придется сразу подумать, что с ним будет дальше.

Хлоя стояла рядом, прижав кулаки ко рту. Она смотрела на упавшего человека. Я заставила себя посмотреть тоже.

У него была рука. Совершенно обычная рука, согнутая возле камеры. Я почему-то до этого представляла операторов только как часть съемки, почти как стойку под объектив. Они существовали, чтобы нам хорошо показывали. А этот человек мог сегодня проснуться, позавтракать, взять дождевик. Теперь его показывали самого.

Я отошла от экрана и уперлась спиной в стену. Он погиб, Кори уехал. Два факта, которые не помещались рядом, сколько бы я ни пыталась переставить их местами.

Некоторое время в комнате царила тишина. Телевизор

продолжал показывать площадь, и изо лба убитого оператора, не переставая, струилась кровь. Сколько людей сейчас наблюдало за... Я даже не знала, как назвать то, что произошло.

— Уже можно выключить телевизор? – робко спросила Хлоя.

Мама посмотрела на камеру. Я тоже. Красный огонек горел, как раньше. Никакого ответа в нем не было.

На экране появилась заставка. Нам велели оставаться на местах до завершения передачи. Голос был знакомый, спокойный. Настолько спокойный, что на миг захотелось ударить телевизор. Я спрятала руки под мышки.

Мы сели. Хлоя устроилась на краю дивана, где оставила мокрую куртку. Не заметила, что сидит на ней. Мама не уби-рала ладонь с моего колена. Я смотрела на закрытую дверь и думала, что только что пыталась через нее прорваться. Даже если бы выбежала, меня бы там уже не было к моменту спасения. Я не смогла бы ни помочь, ни увидеть, что Кори уехал.

— Дыши, — сказала мама.

Я вдохнула слишком резко, закашлялась. Хлоя встала за водой. До кухни было несколько шагов, но я следила за ней, пока не увидела ее снова. Никому из нас не хотелось сейчас оставаться одной.

Мне дали стакан. Я держала его обеими руками и смотрела, как вода колеблется у края. Хотелось перестать дрожать. Не ради камеры, не ради красоты — просто чтобы суметь

выпить.

Вскоре объявили, что эфир завершен. Мама выключила звук прежде, чем нажала другую кнопку. Изображение исчезло. В черном экране отражались три человека и маленькая красная точка над нами.

Кори Джефферсон спасся. Он уехал. Далеко ли? Из города ему точно не выбраться, его семье придется скрываться. Вряд ли они исчезнут надолго. Их постоянно будут искать, и в конце концов найдут.

Только заинтересовалась парнем, а он оказался из преступной семьи. Тот человек, застреливший оператора, наверняка отец Кори. Отец, спасший сына от смерти, но убивший ради этого другого. Как расценивать грешное дело, сотворенное ради спасения сына? Наверно, сейчас лицо стрелявшего становится уродливым.

Я запомнила его. Мужчина был крупный, лысый, смуглый, по губам будто прокатился асфальтоукладчик. Я бы сочла такого за офицера в штатском. Тем не менее, он был красив. И это меня настораживало. Стрелял он метко, явно не в первый раз. Но если бы он убил кого-то ранее, его внешность была бы другой, изуродованной.

...Хлоя ушла домой.

Я проводила ее до порога. Она несколько раз оглянулась на гостиную, словно хотела что-то сказать маме, но не решалась.

— Ты мне напиши, — попросила она.

— Про что?

Хлоя пожала плечами.

— Просто. Что дома.

— Я и так дома.

— После работы.

Я кивнула. Она не стала меня обнимать, только сжала пальцы и пошла по дорожке. Я смотрела ей вслед, пока подруга не завернула за угол. Обычно она шла иначе: быстро, уверенно, будто весь тротуар принадлежал ей. Сейчас обходила лужи и долго смотрела под ноги.

Вернувшись в дом, я сняла куртку. Мама держала полотенце. Я взяла его, вытерла лицо, потом руки. На ладони была маленькая ссадина от падения. Она жгла, когда я коснулась ее тканью.

— Может, позвонить им? — спросила мама.

— Кому?

— На работу. Сказать, что ты плохо себя чувствуешь.

Я представила Милису, чистый лист, фразу про всю семью.

— Не надо. Я могу поехать.

— Я вижу, что тебе тяжело.

— От этого не легче сидеть здесь.

Мама замолчала. Я услышала в собственном голосе несправедливость и потянулась к ней.

— Мам, я правда могу. Мне дадут бумаги. Объяснят, что делать. Это же работа.

Я хотела, чтобы она поверила. Еще сильнее хотела поверить сама.

Эмма погладила полотенце на моем плече. Потом ушла ставить чайник. Мы обе решили, что сейчас это лучшее из возможного.

Мое настроение я бы не назвала нормальным... хотя я старалась внушить себе, что Кори и не появлялся здесь. Когда-нибудь в их доме поселятся другие, и я забуду о семье Джефферсонов, у которой стопроцентно наитемнейшее прошлое из всех, кого я знала.

Настало время отправляться в аттестационный центр. Мама проводила меня, умоляя ехать помедленней. Она была не рада мотоциклу, но рада, что мне предложили работу секретаря.

На улице заметно похолодало. Хорошо хоть, что дождь прекратился.

Я остановилась возле мотоцикла, проверила крепления шлема и застегнула куртку до самого верха. В кармане лежала карточка центра. Телефон показывал время, до одиннадцати оставалось достаточно. Можно было ехать медленно и не придумывать оправданий.

Мама стояла у крыльца.

— Я позвоню, — сказала я еще раз.

— Знаю.

Я запустила мотор. Звук оказался слишком громким для нашего двора. Мне захотелось выключить его и остаться ря-

дом с мамой. Но тогда она снова предложит позвонить в центр, а я не смогу объяснить, почему нельзя.

Дом Джефферсонов был темным. Я смотрела на его окна, пока выводила мотоцикл за ворота. Не было ни людей, ни машины. Светлая занавеска едва различалась в темноте. За ней вполне мог кто-то стоять.

Если Кори вернется, он не узнает, что я видела передачу. Все видели — что тут объяснять? Но не все пытались выбежать из дома. От этого знания не было никакой пользы, и я все же держалась за него, как за возможность сказать ему что-то свое.

Я повернула к дороге.

На ближайшем перекрестке пришлось остановиться. В мокром асфальте отражался красный сигнал. Машин почти не было. Я ловила себя на том, что всматриваюсь в каждую, проверяю заднее сиденье, потом водителя. Так можно было провести всю ночь. Нужного автомобиля все равно не найдешь, если он уже ушел из города.

А если не ушел?

Загорелся зеленый. Я поехала, стараясь смотреть туда, куда двигалось колесо, а не во все окна сразу.

Я ехала не очень быстро, но воздух резал лицо, как зимой. И всю дорогу до аттестационного центра мои глаза искали одного человека...

На ресепшене сидел офицер в боевом облачении.

— Здравствуйте, Хизер Ривера. Подождите.

Он набрал номер и произнес в трубку мое имя.

— Пройдите в двадцать третий кабинет. Вон по тому коридору.

Офицер указал рукой, но не вышел из-за стойки. Я ждала, что мне дадут пропуск, попросят снять шлем или хотя бы повторить время. Ничего этого не случилось. Он снова посмотрел на экран перед собой.

Я поставила шлем возле стены.

— Здесь можно оставить?

— Да.

По вечерам холл казался больше. Без Хлои, без посетителей, без звона телефонов я увидела, сколько пространства оставалось между креслами и столом. Людям утром негде было сесть, а сейчас мебель выглядела ненужной.

На экране вместо рекламы игр шла заставка центра. Я задержала на ней взгляд. Хорошо, что никто не заставлял смотреть сегодняшнюю площадь еще раз. Одного раза хватило на всю жизнь.

Дверь в коридор открылась, пропуская меня. Я прошла и услышала, как она закрывается за спиной. Знакомый звук. Утром такие двери казались признаком удобства. Ночью хотелось точно знать, откроются ли они обратно.

Я попыталась вспомнить, как выглядит двадцать третий кабинет. Днем доходила до сорок пятого, но номер мог быть в другом крыле. В центре столько коридоров, что здесь можно работать годами и считать, будто знаешь все здание.

На стене впереди загорелся указатель. Я ускорила шаг. Мне хотелось скорее оказаться среди людей, которые объяснят, что делать с первой рабочей ночью.

Влекомая любопытством, я чуть ли не вприпрыжку устремилась туда и вдруг поскользнулась. Но все-таки не упала.

По полу тянулась зеленая струйка.

Я посмотрела на подошву. На ней блестело зеленоватое пятно. Вначале мне показалось, что кто-то пролил моющее средство. Оно пахло не так, как средство у нас дома, но здесь все было немного другим.

Я отступила на сухое место, держась ладонью за стену. Сердце еще билось от неожиданного скольжения. Можно было упасть, удариться затылком и уже никуда сегодня не идти. Очень нелепое завершение дня для сотрудника, который должен добираться целым.

Струйка огибала ножку небольшой тумбы и исчезала под дверью. Не возле той, куда меня направили. На двери не было таблички с именем, только номер и узкая черная полоска у ручки.

Я посмотрела обратно в коридор. Офицер отсюда не был виден.

Надо сообщить. Сказать, что на полу скользко. Хорошее начало работы: Хизер Ривера выявила опасную лужу. Вряд ли за это дадут бонус, но хотя бы никого не придется сдавать под охрану.

Я дотронулась до ручки. Дверь подалась легко. Если бы

была заперта, я пошла бы дальше. Не стала бы искать, куда сообщить, не стала бы возвращаться. Всего-то нужно было запереть одну дверь.

Я заглянула в комнату, нашарила на стене выключатель. И когда свет зажегся, увидела перед собой стеклянную капсулу. Она была наполнена чем-то болотно-зеленым, и струйка вытекала именно из-под нее. А в капсуле стояла голая рыжеволосая девушка с большой темной кислородной маской на лице.

Я остолбенела, а девушка встрепенулась и умоляюще посмотрела на меня. Она явно хотела, чтобы я вытащила ее оттуда.

Я подняла руку — не знаю зачем, будто могла успокоить ее на расстоянии. Девушка прижала ладонь к стеклу. На ее запястье я увидела тонкую складку кожи. Не номер, не прибор, не голограмму. Обычную человеческую руку.

— Как открыть? — спросила я.

Она не услышала или не могла ответить. Маска закрывала рот и нос. Я подалась ближе, стараясь различить, где заканчивается стекло. Сверху уходили трубки; у основания блестела металлическая кромка. Все было слишком гладким. Я боялась дотронуться не до того места.

— Покажи, — попросила я. — Если знаешь, покажи.

Девушка стукнула еще раз. Указала куда-то в сторону, потом снова на меня. Я повернулась. Приборы у стены стояли тесно, один закрывал другой. На небольшом экране двига-

лась линия, но ни одной понятной надписи я не заметила.

Она могла иметь в виду дверь. Могла просить позвать кого-нибудь. А я уже решила, что должна сама все открыть.

Я обошла капсулу насколько позволяли трубки и шкаф. Под ботинком тихо чавкнуло. Зеленая жидкость вытекала из щели вниз. Значит, что-то было неисправно. Мне стало немного легче: может, девушку просто оставили во время процедуры, а поломку еще не заметили. Это объясняло комнату. Объясняло маску. Почти объясняло ее страх.

Только почти.

— Я позову... — начала я.

Девушка резко замотала головой. Прижала к стеклу обе ладони. В глазах у нее появился такой ужас, что я замолчала.

На капсуле не было ни кнопок, ни чего-нибудь, похожего на дверь. Приборы занимали почти всю комнату.

Девушка принялась бить кулаками по стеклянной стенке капсулы.

Кто она?! Почему ее заперли там?

Я машинально прикрыла дверь и вдруг услышала в коридоре приближавшийся стук каблуков. Почему-то испугалась и стала искать, где можно спрятаться. Забралась за какой-то аппарат, присела там и затаила дыхание.

У аппарата была узкая щель между корпусом и стеной. Я протиснулась боком, прижала колени к груди. На полу оказалось сухо. Я зачем-то отметила это, словно сухой пол имел сейчас хоть какое-то значение.

Девушка видела, куда я спряталась. Я подумала об этом и едва не поднялась. Она осталась одна перед дверью, а я сидела в укрытии. Но шаги уже были рядом.

Мне не следовало прятаться. Я пришла на работу. Можно встать, объяснить: дверь открыта, жидкость на полу, я решила помочь. Совершенно нормальное объяснение. Только я боялась, что услышу в ответ.

Каблуки остановились.

Я прижала губы к рукаву, чтобы дыхание не было слышно. В ушах гудело. Из-за этого я могла не заметить, что дверь уже открывают.

Щелкнул замок или выключатель. По стене поползла чужая тень.

Я не видела лица женщины, которая вошла. Видела только край одежды и обувь, когда она прошла мимо укрытия. Красные туфли. На одной возле подошвы осталась капля зеленого. Женщина ее не заметила. Или заметила и не придала значения.

Мне хотелось, чтобы она наконец спросила девушку, как та себя чувствует. Это были бы самые простые слова, способные вернуть комнате хоть какой-то понятный смысл.

Она ничего не спросила.

Женщина подошла к капсуле. Раздались какие-то щелчки – и комната стала наполняться гулом. Пол под моими ногами завибрировал. Я осторожно высунула голову и увидела женщину, стоявшую перед капсулой спиной ко мне. Красные

туфли остановились перед капсулой. А жидкость в капсуле из зеленой стала коричневой, непрозрачной, она крутилась, словно кто-то перемешивал ее огромной ложкой. Заключенную в капсулу девушку почти не было видно, но бедняжка продолжала стучать кулаками по стеклу. И вдруг ее пальцы разжались, и ладони исчезли в коричневой жидкости.

Я ждала, что они появятся снова. Может, она просто отдернула руки. Может, повернулась, и я не могу увидеть из-за жидкости. В коридоре я тоже сначала увидела только пятно и придумала все остальное сама.

Женщина стояла, чуть наклонив голову. Одной рукой придерживала край небольшого пульта. Я не видела ее пальцев, не знала, что именно она нажала. Хотелось знать, потому что тогда можно было бы представить обратное движение: другая кнопка, остановка, открытая дверь.

Гул стал ниже. Воздух рядом с моим лицом потеплел. Я прижала ладонь к полу, пытаясь почувствовать, продолжается ли вибрация, и не сразу убрала ее. Пол дрожал. Все в комнате работало, кроме человека, который минуту назад просил у меня помощи.

Я не могла даже позвать.

Это поразило меня сильнее, чем собственный страх. Во время передачи я кричала, рвалась к двери, хотела бежать до площади. Здесь девушка была рядом. Несколько шагов. Я могла произнести одно слово, и женщина обернулась бы.

Но тогда она увидела бы меня.

Я зажмурилась, словно именно этот стыд мешал смотреть. Тут же открыла глаза. Если девушка еще поднимет руку, я должна заметить. Должна хотя бы не пропустить.

Руки не появились.

А неведомый мне процесс продолжался. Жидкость постепенно наполнялась золотистым сиянием, и в конце концов стала прозрачно-золотой.

Когда женщина ушла, я еще некоторое время сидела, а потом поднялась и подошла к двери. Я навсегда запомнила зияющую дыру в груди беззащитной девушки. У нее не было сердца. И больше не было души.

Я остановилась у двери, так и не выйдя сразу. Отсюда капсула была видна полностью. Мне казалось, я неправильно посмотрела. Машина, стекло, жидкость — все могло исказить изображение. Я сделала полшага в сторону.

Ничего не изменилось.

Девушка больше не смотрела на меня. Ее волосы расплылись в золотой жидкости, тонкие пряди колыхались от того, что внутри еще что-то двигалось. Я не знала, сколько времени прошло с последнего удара по стеклу. Несколько секунд, минута? В комнате не было часов, по которым я могла бы вернуть этот промежуток.

Мне хотелось коснуться капсулы. Просто положить ладонь там, где лежала ее рука. Это ничего бы не исправило. Я понимала и все равно хотела.

В коридоре послышался далекий звук. Я отступила, ухва-

тилась за ручку и вышла. Прикрыла дверь слишком осторожно. Не хлопнула, не оставила открытой. Позаботилась, чтобы никто не заметил моего присутствия.

Зеленая струйка была на прежнем месте. Я шагнула через нее и посмотрела на стену, пытаясь найти нужный номер. Двадцать третий. Какая разница, куда я шла? И все же номер держался в памяти, потому что остальное уже не помещалось.

Когда я добралась до кабинета, мне открыли. Женщина в светлой одежде сказала, что меня ждут, и спросила, не потерялась ли я.

— Немного, — ответила я.

Это было самым маленьким словом, которое у меня осталось для случившегося.

Сознание отказывалось верить в произошедшее. Лежа на столе в окружении «приборов красоты», я думала только об одном: как воспользуюсь одной из металлических трубок, если они задумают сотворить со мной то же, что и с девушкой в капсуле. Мастера просили, чтобы я закрыла веки, и я подчинялась им на пару секунд, за которые в голове снова и снова мелькали жуткие картины, после чего, то ли от страха, то ли от недоверия, я в панике принималась осматривать все, что попадалось на глаза. Эти люди улыбались мне, показывая идеально белые зубы, но мне виделся в этом подвох. Способны ли внешне привлекательные люди быть волками в овечьей шкуре? Для меня они пока оставались загадкой. Они

казались невинными, хотя вокруг них творилось безумие. Я старательно искала ответы, в то время, как мастер обрабатывал мою кожу острой струей воды. Может, они не имели никакого отношения к тому, что сделали с той девушкой в капсуле? Как Кори — ведь парень не виноват в смерти оператора, виноват отец. Но если они знали...

Бездействие — грех. Соучастие в преступлении.

Мастер велел повернуть голову. Я повернула. Он попросил не напрягать шею. Я попыталась. Под моей щекой лежала мягкая подушка, рядом стояла чашка с водой, которую мне предложили еще в дверях. Они заботились о моем удобстве так тщательно, что от этого хотелось плакать.

Я думала, что они могут заметить. На ботинке осталось зеленое пятно. На ладони — ссадина. Я вздрагивала от каждого нового звука. Но мастер смотрел только на кожу и несколько раз говорил, что нужно расслабиться, иначе ему трудно работать.

— Тяжелый день? — спросил он.

— Аттестация.

— Первый рабочий вечер всегда волнителен.

Я кивнула. Человек предложил объяснение, в котором я могла спрятаться, и я тут же согласилась.

Он выключил струю воды. Я дернулась, хотя прибор уже не касался моего лица.

— Скажу заранее, — спокойно пообещал мастер. — Будет легкое покалывание.

— Не надо закрывать глаза?

— Сейчас не надо.

Я посмотрела на его руки. Он работал аккуратно, убирал инструменты на салфетку, перед новым касанием говорил, что делает. На таком расстоянии легко поверить, что ты в безопасности. Только девушка в капсуле тоже когда-то вошла в комнату. Ей, наверное, тоже что-нибудь объясняли.

— Не больно? — спросил он.

— Нет.

Вот это было правдой. Почти все неприятное происходило там, куда он не мог добраться своим прибором.

После чистки водой мастер взял какую-то штуковину, которая щипала кожу легким током, и я невольно вздрагивала. Но чем дольше они корпели надо мной, тем больше доверия вызывали. Вряд ли мне вырежут сердце сразу по окончании процедур. Дыра в груди бедняжки напоминала воронку, будто смерч подкрался со спины и высосал душу, прихватив заодно и сердце в качестве сувенира.

Что теперь? Какие действия я должна совершить? Сейчас я осознала, насколько доверчиво отношусь к людям. А единственный человек, с которым я могла бы поделиться, находился в бегах. Куда бы я пошла, ища укрытие? Куда Администрация полезет в последнюю очередь? Под землю? Или в лес...

Далее красоту наводил мастер по телу. Я, абсолютно голая, зашла в какую-то комнатку, закрыла по приказу глаза, и

машину включили. Кожу на ногах пощипывало, затем показывание поднялось выше. Я одним глазом подглядывала за серой линией света, под воздействием которого появлялся легкий загар. После процедуры я обнаружила, что ноги мои абсолютно гладкие, без единого волоска.

Стилист долго подбирал макияж, а волосы мы решили просто уложить и сделать завивку. Спирали напомнили мне о Кори.

Я смотрела, как прядь наматывается на инструмент, затем соскальзывает и ложится рядом с щекой. Стилист просила не шевелиться. Мне хотелось избавиться от этих аккуратных завитков, пока они не превратили чужое лицо в мое собственное.

— Хорошо держится, — сказала она. — Не трогай руками.

Я убрала руку. Оказалось, уже тянулась к виску.

Мне принесли одежду. Спросили размер, предложили примерить, объяснили, куда положить старые вещи. Обычные заботы, которые утром показались бы подарком. Я пошла за ширму и на минуту оказалась одна.

Телефон лежал среди сложенной одежды. Я взяла его, открыла переписку с мамой и написала: «Я приехала. Все нормально».

Палец замер над отправкой.

Нормально? Я стояла за ширмой в центре, где только что погиб человек. Рядом ждала стилист, на голове у меня сохли

новые локоны. Ни одно из этих обстоятельств не объясняло, как написать маме другое сообщение, чтобы она не бросилась сюда.

Я стерла последние два слова.

«Я приехала. Потом позвоню».

Отправила и убрала телефон. Мне захотелось попросить, чтобы старую одежду вернули целиком. Я проверила карманы и уложила старую одежду с ботинками в рюкзак. Если придется уходить быстро, он хотя бы будет при мне.

Под конец я боялась смотреться в зеркало. Ассистент понимающе кивнул, вывел меня из комнаты и отправил в зал заседаний.

Он был невелик и не так роскошен, как я ожидала. Стены серые, посередине полукруглый стол, а перед ним — прозрачный стул на одной ножке, похожий на гриб.

В точности, как на аттестации.

Я вошла по приглашению синей лампочки, оглядела одиннадцать мужчин и женщин в костюмах. Каждый из них был великолепен. Села на стул — он оказался слишком низким, — забросила ногу на ногу, втайне пребывая в восторге от черных лосин, необычайно гладких, будто вторая кожа. А обута я была в полусапожки с эмблемой Администрации — золотым солнцем с короткими острыми лучами в круге. Роскошная дорогая одежда придавала мне уверенности, но не сил. Морально я была истощена. Поскорее бы вернуться домой, лечь спать и навсегда оставить этот день.

Я держала руки на коленях и старалась не оглядываться. Одиннадцать человек смотрели на меня с интересом. Мне нужно было выглядеть так, будто я тоже заинтересована, а не считаю расстояние до двери.

На столе стояли стаканы воды. Перед каждым лежала папка, передо мной — ничего. Я уже знала, как неприятно сидеть напротив людей, у которых есть твое прошлое, когда у тебя есть только рюкзак.

Слева женщина перевернула страницу. Я увидела несколько строк, но не смогла разобрать. Хотелось выяснить, что там сказано про сегодняшний день. Про отца, про школу, про Кори. Может, им уже известно, что я дергала его за волосы? Это было бы нелепо. И все-таки я боялась даже этого.

Нога начала затекать. Я поставила обе ступни на пол. Стул был настолько низким, что они смотрели чуть сверху. Сесть удобнее не получилось, только более смирно.

Я вспомнила, как Кори придержал дверь на стадионе. Самая неподходящая мысль для знакомства с руководством. Но я держалась за нее, пока люди за столом открывали папки. Дверь. Две ступеньки. Солнце. Мне нужно было помнить, что за пределами этого здания существовали вещи, которые сегодня не требовали от меня молчать.

К сожалению, есть вещи, которые преследуют нас, независимо от времени и способов забыться.

— Итак, Хизер Ривера, добро пожаловать в почетный круг, — солидный седовласый мужчина встал и приложил ру-

ку к сердцу. — Меня зовут Гектор Халл и я ответственный за безопасность. — Пока он это говорил, я задала себе вопрос: участвовал ли он в убийстве? — Мы те, кто оберегает город.

Я молча кивнула.

Мужчина сел, и заговорила Милиса:

— Последний год мы наблюдали за тобой, Хизер, — у нее был такой высокомерный вид, словно она сейчас открывала мне глаза на мир. — В школе, дома, на прогулках, везде. Ты нас зацепила. Ты другая. За что ты и получаешь бонус — вести жизнь среди нас. Твоя внешность далека от идеала, но, как показывает компьютер, ты развиваешься с невероятной скоростью. Поэтому уже в шестнадцать лет отличаешься от сверстников настолько, что общаться с ними — самое худшее наказание для тебя. До сегодняшнего дня мы сомневались в тебе, но проявление твоей позиции относительно собственного отца поставило точку в наших сомнениях.

Милиса произнесла это с одобрением. Я не сразу поняла, что должна кивнуть. Все остальные смотрели на меня, будто я только что хорошо ответила на сложный вопрос.

Я не отвечала. Я попросила Хлою направить отца в кабинет.

В памяти возникла Эмма за кухонным столом. «Я тоже». Ее голос, когда я сказала, что не хочу больше бояться дома. Почему никто здесь не спрашивал, что чувствует она? Вместо этого мне объясняли, какую удачную позицию я проявила.

— Это было непросто, — добавила Милиса.

Я подняла голову.

Можно было сказать: да. Получить еще одну похвалу. Объяснить, что я выбирала семью, безопасность, правильную жизнь. Они сами дали бы нужные слова, если бы я начала.

— Я не хотела, чтобы он снова причинил нам вред, — сказала я.

Милиса кивнула.

— Именно.

Я не знала, почему от согласия стало хуже. Наверное, потому что она могла повторить за мной почти любую фразу и сделать ее полезной для своей папки.

Седовласый мужчина посмотрел на соседа. Тот приготовился говорить. Разговор о Валерии закончился так быстро, словно речь шла о подписи на документе, которую уже получили.

Я разжала пальцы на коленях. На коже остались маленькие светлые полумесяцы от ногтей.

После нее взял слово молодой человек в очках:

— Я Джордж Донн — разработчик. Хизер, ты — резидент Администрации. Тут задача проста: находить и сдавать нарушителей в руки властей. А чтобы самой не оказаться в наручниках, мы выдадим тебе особую голограмму для одежды. Она видима только тем, кому положено ее видеть. Проштампуй ею всю одежду, тогда офицеры поймут, что ты на зада-

нии, и тебя не тронут.

Я посмотрела на предмет в его руке. Он действительно походил на вещь, которой соединяют бумагу. Небольшой, гладкий, совсем не впечатляющий после машин, занимавших целые комнаты.

— Даже если я ничего не сказала? — спросила я.

Джордж поднял глаза.

— Что именно?

— Офицеру. Он увидит и поймет?

— Если у него есть соответствующее оборудование. У патрулей оно есть.

Он положил устройство на край стола. Я потянулась взять, затем остановилась. Не хотелось, чтобы первое мое движение в почетном круге выглядело жадным.

Джордж подвинул предмет ближе.

— Вот так. К внутренней стороне воротника. Достаточно одного нажатия. Первое время след виден, потом исчезает для обычного зрения.

Я попробовала нажать на пустой воздух.

— Без ткани не сработает, — сказал он.

Кто-то за столом тихо усмехнулся. Я опустила руку. Очень хорошо. Всего несколько минут, а я уже успела порадовать профессионалов.

— Метка не заменяет инструктаж, — продолжил Джордж. — Это обозначение принадлежности. Не передавай устройство другому человеку.

— Даже чтобы пометить вещи?

— Вещи выдавай для обработки через центр.

Я кивнула. Мне хотелось переспросить про слова «тебя не тронут». Как широко они распространялись? Только на работу? На улицу после Судного часа? На чужие кабинеты? Я уже знала, что некоторые уточнения обходятся слишком дорого, и решила начать с воротников.

В городе часто проходят вечеринки, так что работать придется много. Мы на тебя надеемся, Хизер.

— Тебя проинструктируют, как поступать в тех или иных ситуациях, — вновь заговорил Гектор. — Если не сможешь принять решение сама, звони консультанту. За хорошую работу у нас принято поощрять. Удиви меня, и тогда узнаешь, что за лесом. И ознакомься с профессией, — он указал на книгу, лежащую перед ним. Темно-красную, с одним лишь словом, растянутым по вертикали: "Пособие".

Книгу передали мне по столу. Я взяла ее и удивилась тяжести. Небольшое устройство казалось пустяком, а инструкция к собственной новой жизни весила вполне ощутимо.

— Сегодня все читать? — спросила я.

— В первую очередь раздел о связи, — ответил Гектор. — Остальное последовательно. До самостоятельной работы подготовка обязательна.

— Я уже буду получать задания?

— Не те, для которых ты еще не готова. Если ситуация возникнет раньше, связывайся с консультантом. Не пытайся

заменять охрану.

Я посмотрела на темно-красную обложку. Хотелось открыть книгу прямо здесь и найти раздел о том, что делать, если увидела убийство в соседнем кабинете. Наверное, они не называли это убийством. Наверное, существовало какое-то слово, которое позволяло спокойно сидеть за столом после такого.

— Номер здесь? — спросила я, указав на книгу.

Джордж показал страницу с контактами. Один номер был выделен рамкой. Я нашла телефон и сохранила его. Сотрудник напротив смотрел, как я печатаю, не торопя и не помогая. Даже такая простая вещь превратилась в проверку.

— Дальнейший порядок тебе сообщат, — сказал Гектор. — И помни: наблюдать не означает вмешиваться в каждую ситуацию.

Я почувствовала, как лицо становится горячим. Он не мог знать про капсулу. Или мог? Я слишком быстро опустила глаза к книге.

Дальше они обсуждали время подготовки, связь, оформление. Я слушала, запоминала отдельные фразы, боясь попросить повторить. Ни одна из них не касалась зеленой жидкости на полу.

Когда нам разрешили закончить, я поднялась и едва не уронила пособие. Прижала его к груди, забрала устройство и рюкзак. Теперь руки были заняты. Это помогало не замечать, как они дрожат.

Возвращаясь на автостоянку, я постоянно прокручивала в голове слова Гектора. У меня появился шанс увидеть остальные три города. Уму непостижимо. Вскоре мне будет позволено идти туда, где ранее было закрыто.

Мечта зацепилась за меня раньше, чем я успела решить, хочу ли сейчас мечтать. Другие города. Дороги, которые уходят за лес. Можно будет увидеть, что Кори называл домом. Не по рекламному ролику, не со слов учителя, самой.

Я остановилась у поворота. Дальше был коридор, в котором я поскользнулась. Мне не хотелось туда смотреть. Но если путь на стоянку проходил там же, пройти все равно придется.

Пол оказался сухим.

Я замедлила шаг. Никакой зеленой полосы, даже влажного следа. Дверь комнаты была закрыта. Я не увидела, кто убирал, и не знала, сколько времени прошло. Все выглядело так, будто здесь ничего не случилось.

На старом ботинке осталось маленькое пятно. Он лежал в рюкзаке, вместе с остальными вещами.

Мне захотелось показать его офицеру. Вот, смотрите. Это существовало. Я не выдумала. Только пятно могло доказать разве что то, что я наступила в чужую лужу.

У стойки лежал мой шлем. Офицер поднял глаза, кивнул. Он не спросил, понравилось ли мне первое знакомство. Я была ему за это благодарна.

— Уже можно идти? — уточнила я.

— Да.

Я взяла шлем и вышла. Наружный воздух показался невероятно свежим. Не теплым, не приятным — просто таким, в котором можно сделать большой вдох.

На стоянке я поставила рюкзак на сиденье и позвонила маме. Гудки шли долго. Потом она ответила, сонным голосом спросила, закончила ли я.

— Еду домой.

— Все хорошо?

Я посмотрела на закрытый вход центра.

— Меня приняли. Дали пособие. Расскажу завтра.

— Хорошо. Я тебя услышу, когда приедешь.

Она не стала расспрашивать. Я убрала телефон и почувствовала одновременно облегчение и страх: мама ждала, что завтра я найду слова.

И сейчас самое время пойти навстречу мечте.

Я набрала номер Хлои. Скоро она перестанет спать ночами, ведь грядет Высшая лига.

— Алло?

— Собирайся, Хлоя. Мы идем в лес.

В трубке повисло ошеломленное молчание, а потом подруга сказала:

— Буду готова через полчаса.

— Я зайду за тобой.

— Нет, я не дома. Я сама к тебе приду.

— Ты снова у Броуди?

— Да,

Мой дом изменился. Он опустел и выглядел заметно чище, светлее. Всего-то и нужно было, что искоренить зло. По моей вине жизнь Валерия изменилась в одночасье. Плохо ли я поступила?

Жертва ради семьи.

В нашем мире не было места лотерее. Чтобы понять, совершила ли ты зло, можно просто посмотреть в зеркало — оно есть истина и неподкупный судья.

Сложно было узнать собственное удивленное отражение. Благодаря одежде и легкой руке визажиста Хизер Ривера смотрелась солиднее, словно уже имела все основания войти в ряды работников Администрации. Я потрогала аккуратно завитые волосы, рассмотрела ближе макияж, а именно глаза. Ресницы удлинились на несколько миллиметров, приобрели более темный оттенок, а подводка сделала мой взгляд уверенным и чуть насмешливым. Полагаю, хранители города решили, что именно так должна выглядеть девушка, которой люди сообщают свои секреты. Я этого не решала. Меня пронзила злость, а затем я залилась хохотом. Не знаю почему.

Да уж, не каждый представитель Администрации чуть ли не сразу после принятия на работу осмелится лезть туда, куда не было приказано.

Я достала из холодильника апельсиновый сок и, вновь увидев себя в зеркале, со стыдом опустила глаза. Ужасно

пить его прямо из бутылки. Выгляди я проще, не задумываясь, пошла бы в комнату, захватив горсть фундука. Но сейчас я хотела соответствовать девице в зеркале. Мне хотелось хотя бы выглядеть так, будто я знаю, что делаю. Я взяла красивый бокал, к которому не притрагивались со Дня благодарения, и наполнила его соком. Зеркало будто подмигивало мне, или это я сама себе была рада?

Мама уже спала, ей завтра с утра на работу. Не стоило ее будить.

Когда я вошла, она выглянула из комнаты, убедилась, что это я, и вернулась в постель. Теперь за дверью было тихо. Я прошла мимо на носках. Хотелось разбудить ее и попросить посидеть со мной. Сказать, что я видела человека, который не смог уйти из центра. Но тогда она спросит, почему я не позвала охрану.

Я пока не знала, как ответить.

На кухне я допила сок. Бокал оставил на столе прозрачный круг. Взяла салфетку, вытерла. Затем еще раз. Девушка стучала по стеклу, а я аккуратно стирала след от своего стакана. В этом было что-то настолько неправильное, что я перестала убирать.

Пособие лежало в рюкзаке. Я достала его, открыла на странице со связью. Консультант. Можно позвонить ему прямо сейчас. У меня есть номер, мне только что велели обращаться, если не могу принять решение.

Я открыла сохраненный контакт и задержала палец над

кнопкой вызова.

Если он спросит, в какой комнате, я отвечу. Если спросит, зачем я вошла, тоже отвечу. Если скажет, что все было законно, что я неверно поняла, что нельзя заходить в служебные помещения, — тогда у меня не останется даже этого неизвестного, страшного «почему». Будет только моя ошибка и их объяснение.

Я положила телефон экраном вниз.

Нужно найти человека, который сначала выслушает. Не того, кому положено решать, что я имела право увидеть.

От этого желания Кори снова стал ближе, чем был на экране.

Поднявшись к себе, я открыла шкаф и достала свою одежду. Разработчик из Администрации вручил мне устройство, похожее на степлер. С его помощью я должна была ее пометить. Этим я и занялась в ожидании Хлои, не забыв сделать метку и на куртке.

Первым выбрала поло. Положила его на кровать, расправила воротник. Устройство легло в ладонь удобно, и я вдруг вспомнила, как на работе у Хлои лежат скрепки. Тоже маленькая вещь, способная соединить части того, что хочется держать отдельно.

Я нажала. Раздался короткий щелчок. На ткани появилось голубое пятно.

Поднесла ближе к лампе. Оно не было ни влажным, ни выпуклым. Я потрогала пальцем: обычный воротник. При-

надлежность Администрации не ощущалась на ощупь.

Затем взяла клетчатую рубашку. На ней был торчащий у шва конец нитки. Раньше я отрезала бы его, а сейчас побоялась заняться чем-нибудь не тем и оставила. Метка появилась рядом, на внутренней стороне.

С курткой пришлось повозиться. Я развернула ее, нашла место, нажала и не увидела следа сразу. Сердце тревожно ударило: вдруг прибор не сработал? Пододвинула куртку к свету. Голубой круг был там, только на темной подкладке заметен слабее.

Я проверила три вещи по очереди. Зачем-то хотелось, чтобы они изменились заметнее. Получили новый вес, особый запах, что-нибудь, что скажет: теперь ты защищена. Все осталось прежним.

Устройство я убрала в ящик, под сложенные листы. Джордж запретил передавать его другим. До его слов я не думала, что такая возможность вообще существует. Теперь подумала о Хлое и поспешно закрыла ящик.

Пометила всего три воротника, это на случай, если в ближайшие несколько дней я получу срочное задание. Остальное пометят работники администрации, после утверждения моего имени в штат. Очень скоро незнакомые люди узнают всю подноготную моего гардероба, от которого я сейчас совершенно не в восторге. Может одежду просто забракуют и сожгут?

Мои мысли не зависели от моего желания. Я вдруг обна-

ружила, что вспоминаю случившееся сегодня на площади.

Должна ли я искать Кори? Разумеется, должна. Я была свидетелем смерти девушки в аттестационном центре. Если у семьи Джефферсонов есть прошлое, возможно, они знают, как поступить с моими знаниями. Поход в лес будет первым шагом на пути поисков Кори. На трибуне около школы он был явно вдохновлен мыслями о лесе. Возможно его стоит искать где-то там.

А ведь тогда произошло что-то волшебное. В унисон мы погрузились в страну снов, так нелепо и спонтанно. Хм, в последний раз, когда мы видели друг друга, я тянула его за волосы. Усмехнувшись своей стыдливости, вернула клетчатую рубашку, серое поло и кофту на место в шкаф и спустилась на кухню.

Когда, услышав звонок, я открыла дверь, Хлоя округлила глаза и заглянула мне за спину:

— Кажется, я перепутала дом. Здесь живет бледная мышка по имени Хизер?

Я рассмеялась, хотя была возмущена.

— Хизер, это что — леггинсы? Они стоят шестьсот долларов! Ты их украла?

Подруга не унималась бросать колкости в сторону моей новой одноразовой внешности до тех пор, пока я в шутку не закрыла перед ее носом дверь. Ее лицо выглядело униженным и возмущенным, что я не удержалась от смеха.

— Странно, что ты дверь не сломала. Ты ведь всегда от-

крываешь их от себя. — Она была права. Как-то давно я слышала, как Дин разговаривает с отцом, который всячески старался поучать его. Так вот он сказал: "стремись к тому, чтобы каждая дверь перед тобой была распахнута, тогда ты добьешься своего во всем". Я приняла его слова буквально, глупая была, и с тех пор, завелась привычка, от которой никак не могу избавиться.

— Она бы сломала тебе нос, — делая выводы, ответила я.

Хлоя переменилась в лице и я сразу увидела в ее глазах лес. Мы очень рисковали, идя туда без дозволения.

Она все-таки вошла на минуту, чтобы я могла взять рюкзак и фонарик. В прихожей подруга огляделась. На месте отцовских ботинок оставался пустой прямоугольник возле стены.

— Мама спит?

— Да. Тише.

Хлоя кивнула и впервые не стала немедленно задавать следующий вопрос. Я надела куртку, проверила карман с телефоном. Хотелось сунуть туда пособие, но книга не помещалась, а брать ее в лес было бессмысленно. Даже мне это было понятно.

— Может, заберем плед? — шепотом спросила подруга.

— Он же там промок.

— Если найдем.

— Найдем. Мы его прямо под деревом оставили.

Я посмотрела на нее. У Хлои тоже были причины вернуть-

ся, только совершенно другие. Для нее лес пока еще был местом, где лежала наша сумка. Меня это немного успокоило. Не все вокруг обязано было стать страшным сразу.

— У Броуди долго была?

— Потом расскажу.

Она отвернулась, делая вид, что рассматривает замок. Я узнала это движение: мне самой весь день приходилось находить предметы, на которые можно посмотреть вместо человека.

Фонарик я проверила дважды. Луч уверенно лег на пол. В сумку я положила небольшую бутылку воды. Нашла небольшой пакет для мокрого пледа. Мама наверняка спросит про него утром, а я не хотела лгать еще и о вещи, которую легко вернуть.

На этот раз я старалась думать хотя бы на два шага вперед.

Я закрыла за собой дверь, боясь, что нас подслушивает мама. Лучше отойти подальше от домов, но держаться в тени не стоит, иначе кто-нибудь заподозрит неладное и наведет много шума.

Если Хлоя и удивлялась моему решению совершить ночную прогулку, то ничем это не показывала. Разговаривали мы во весь голос, как ни в чем не бывало, но я дрожала, то ли от прохлады, то ли от страха навлечь беду.

— Разве тебе уже начисляют баллы? Ты ведь еще и дня не проработала.

Она имела в виду бонусы за хорошо выполненную работу.

Их можно менять на технику, одежду и прочее. В дорогих магазинах нашего городка оригинальные вещи стоят в пять, а то и более раз дороже.

Машинально я попыталась найти на куртке метку, но бесполезно: ничего необычного, просто ткань. Однако я точно помнила, как круглое светло-голубое пятно отпечаталось на ней и несколько минут не исчезало.

— Я им очень понравилась.

Для Хлои это, разумеется, прозвучало высокомерно. Как могла кому-то понравиться не она, а какая-то Хизер Ривера?! Интересно, решится ли она убить меня в лесу, чтобы убрать с лица земли подрастающую красавицу, которая, возможно, превзойдет ее саму? Мне вдруг представилось, как Хлоя, подобно злой мачехе из «Белоснежки», сживает всех красавиц со свету.

— Как Броуди? – спросила я.

— Не так я себе все представляла. Реву как минимум раз в два дня.

— Из-за чего? — спросила я в надежде узнать подробнее об очередном проступке ее любимого.

— Из-за его поступков.

Броуди относился к особому типу людей, которых я никогда раньше не встречала. Даже в книгах. Он сочетал в себе столько противоположностей, словно состоял из нескольких личностей, абсолютно разных по темпераменту, характеру и взглядам на жизнь. Он был невероятно обаятельным. Часто

в нем просыпались повадки, притягивавшие девушек, точно магнит. Хлоя рассказывала мне, что в первую ночь, которую они провели вместе, он сообщил ей, что работает в морге. Причем сделал это так убедительно, что подруга сразу поверила. И верила до тех пор, пока не узнала, что это неправда. И таких ситуаций было много.

— Мне он сразу не понравился, — сказала я.

— Часто мне кажется, что ему плевать на меня. Но я знала, что он странный. Сама его выбрала.

— И что ты думаешь делать?

— Не знаю. Я без него не хочу, а с ним мне очень тяжело.

Мы остановились у последнего уличного фонаря. Хлоя достала телефон, посмотрела на время и убрала его. Я уже знала, что она смотрит не только на время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.